



ПРЕДИСЛОВИЕ ДЖОНА АПДАЙКА

СЭМУЭЛЬ ШЭМ

**КЛИНИКА
«БОЖИЙ ДОМ»**

БЕСТСЕЛЛЕР АМАЗОН

ПРОДАНО БОЛЕЕ 2 МЛН КОПИЙ ПО ВСЕМУ МИРУ

КНИГА, ВОДХНОВИВШАЯ СОЗДАТЕЛЕЙ СЕРИАЛА «КЛИНИКА»

18+

Киноstory

Сэмуэль Шэм

Клиника «Божий дом»

«Издательство АСТ»

1978

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шэм С.

Клиника «Божий дом» / С. Шэм — «Издательство АСТ»,
1978 — (Kinostory)

ISBN 978-5-17-133919-7

После окончания медицинского ВУЗа Рой Баш вместе с другими интернами отправляется на стажировку в клинику «Божий Дом». Он не знает жизни и смутно представляет себе, как применить полученные знания на практике. Погружение могло бы длиться вечно, если бы не удача встречи с наставником, который становится проводником в профессии врача и выживании с этих суровых реалиях.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-133919-7

© Шэм С., 1978

© Издательство АСТ, 1978

Содержание

Предисловие	5
Предисловие переводчика	7
Часть первая	9
Часть вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сэмуэль Шэм

Клиника «Божий дом»

Предисловие

От врачей мы ожидаем невероятно много. Нуждаясь в них, мы поклоняемся им; нам представляется, что их опыт и знания, а также то, что они полностью посвятили себя избранному пути, позволяет им избавиться от неопределенности, неуверенности и отвращения, неизбежных для нас, окажись мы на их месте, увидев то, что видят они. Кровь, рвота, гной не вызывают в них отвращения; старческое слабоумие и деменция не вызывают в них ужаса; им не страшно погрузиться в склизкий клубок внутренностей или же заниматься инфекциями и инфицированными. Плоть и болезни для них – абстракция, описанная в бесстрастных схемах лечения, ведущих к безошибочному диагнозу и выздоровлению. «Клиника “Божий дом”» – книга, которая избавит вас от этих иллюзий. Для медицинского мира она стала тем же, чем для армейской действительности – «Уловка-22», изобразившая этот мир в виде фарса, нагромождения ошибок и нелепостей, путешествия к туманной цели под руководством бесчестных и не вызывающих энтузиазма начальников. В каком-то смысле «Божий дом» даже скандальней «Уловки-22», ведь армия всегда привлекала (а иногда и призывала в свои ряды силой) критиков и высмеивателей, в то время как практикующие медики в художественной литературе представлены в основном людьми добропорядочными, иногда героическими, в худшем случае – фанатичными материалистами и экспериментаторами, как полный энтузиазма знахарь Гофрат Беренс из «Волшебной горы» Томаса Манна.

Нельзя сказать, что интерны, резиденты и медсестры, представленные Сэмуэлем Шэмом, не вызывают сочувствия; все они все приносят в безумный мир госпитальной медицины остатки своей преданности медицине, а самый циничный из них – Толстяк – отличается опытностью и способностью добиваться желаемого результата. Наш герой, Рой Баш, отправляет своей жизнелюбивой наивностью и – невзирая на ипохондричность его сумбурной исповеди – крепким здоровьем к Кандиду Вольтера. В клаустрофобии больничного сумасшедшего дома окнами в окружающий мир, излучающий солнечный свет здоровья, для него становятся секс, ностальгия и баскетбол. Секс является наиболее очевидным выходом, и в оргиях с Энджел и Молли приобретает поистине порнографическую четкость. Мимолетный взгляд – и ниже белье Молли становится в одном из спонтанных, разрастающихся, построенных на потоке образов абзацев, нередко встречающихся в книге, парусом, наполненным дыханием жизни:

«... в то мгновенье, когда она, сев, закидывала ногу на ногу, перед моими глазами вспыхивал этот фантастический вожденный треугольник светлых волос, над которым, как парус под мягким и светлым ветром, трепетало французское белье. И хотя с медицинской точки зрения я знал о тайных женских органах все и мне приходилось осматривать и ощупывать их у больных, но здесь все было совсем другое, здоровое и прекрасное, молодое и свежее, мягкое и светловолосое, влажное, пушистое, резко пахнущее, манящее, недоступное, воображаемое...»

В мире, где преобладают болезненные ощущения, вспышки похоти провоцируют даже такие далекие от этого мира вещи, как письма отца Баша с их лишенными логики речевыми оборотами. Секс между врачом-мужчиной и медсестрой становится для них обоим взаимным утешением, убежищем от окружающих их повсюду болезней и смерти, от всего трагичного, отратительного, безнадежного, что может быть в человеческом теле. Это разнополюй вари-

ант товарищества, сходного с тем, что появляется у усталых и потерянных интернов, которые «разделяли друг с другом что-то огромное, великое и убийственное».

Героические ноты звучат намного реже насмешливых, но все-таки слышны и они, возможно, намного ценнее для тысяч интернов, взявших на вооружение отчетливо педагогичный и дидактичный роман Шэма: тринадцать законов от Толстяка; доктрина бессмертия гомеров и минималистский подход к лечению; использующиеся в больницах практики СПИХИВАНИЯ пациентов и ПОЛИРОВКИ историй болезни, СТЕНЫ и РЕШЕТА; психоанализ неуравновешенных докторов вроде Потса и Джо; множество медицинских ситуаций с объяснениями, как надо и не надо действовать. Я с трудом представляю себе ситуацию, в которой интерн не найдет для себя в этой Библии медицинских реалий ничего полезного. Несмотря на прямолинейность вокабуляра, «Божий дом» празднично сияет тем, что, по мнению Генри Джеймса, является сутью каждого романа – «дыханием жизни». Он наполнен жизнью. В своем первом романе Шэм не боится обжечься об английский язык.

«Отбойные молотки крыла Зока расшатывали мои слуховые косточки двенадцать часов подряд».

«Расстегнутая до ключиц блузка, идеальная грудь, и вся она – от выкрашенных алым губ и ногтей, от голубых век и длиннющих черных ресниц до золотой искорки крестика католической школы медсестер – вся она сияла как радуга внутри водопада».

«Было ужасно осознавать, что человек нашего возраста, только что игравший с шестилетним сынишкой летним вечером, стал овощем, и хирурги уже готовятся вскрывать его наполненную кровью голову».

Это роман воспитания тридцатилетнего Роя Баша. Его путешествие в долину смерти и правды о человеческой плоти заканчивается возвращением к разумной и чувствительной Берри. Ричард Никсон – наиболее противоречивый и представляющий огромный интерес как минимум для писателей президент XX века – и вздымающийся над ним Уотергейтский скандал – помещают действие романа в 1973–1974 годы. Эту книгу невозможно представить написанной сейчас. Как минимум не в таком бескомпромиссном виде: свободное использование многочисленных этнических карикатур в эпоху активного употребления таких терминов, как «расист», «сексист» и «эйджист», было бы невозможно. В 70-х годах не было безопасней: среди многочисленных заболеваний, ярко и подробно описанных в книге, не фигурирует СПИД; в арсенале хирургов с тех пор появился целый ряд операций по трансплантации различных органов. Тем не менее книга актуальна как никогда, поскольку американская система здравоохранения движется к кризису: она слишком дорого обходится, она устала, обременена ужасной репутацией, а гротескные истории фатальных ошибок и ужасных решений, о которых мы читаем в средствах массовой информации, превосходят то, что способна породить даже самая изобретательная писательская фантазия. Приближаясь ко второму миллиону проданных экземпляров, «Божий дом» продолжает шокировать студентов-медиков узнаваемостью тех мучений, которые испытывают они, идя по пути Гиппократа, – и в то же время дарит им утешение и развлечение.

Джон Андайк, апрель 1995

Предисловие переводчика

Начинать предисловие с предупреждения читателя о том, что с этим романом надо обращаться осторожно, – наверное, не совсем обычный ход. Но сделать это я считаю своим переводческим и врачебным долгом. Великий американский писатель Джон Апдайк в своем предисловии к этой книге, написанном в 2003 году, отметил, что «Божий дом» не мог бы появиться в наши дни. Сложно сказать, прав ли он. Роман впервые был издан в 1978 году, неоднократно переиздавался и остается на полках книжных магазинов вот уже больше сорока лет. Апдайк писал, что в современном мире книгу обвинят в сексизме, расизме и эйджизме. И действительно, во многих отзывах о романе можно встретить многочисленные «-измы». Эти критические отзывы небезосновательны: за сорок с лишним лет, прошедших с момента написания этой книги, мир сильно изменился, и Америка второго десятилетия XXI века очень сильно отличается от Америки времен Уотергейтского скандала и войны во Вьетнаме.

Читателя стоит предупредить не только о вопиющей по нынешним меркам неполиткорректности, но и о том, что книгу нельзя воспринимать как производственную драму в стиле Артура Хейли. Врачебный мир здесь совсем не такой, как в «Клинике: анатомии жизни» Хейли или в «Коллегах» Василия Аксенова. И главный герой, тридцатилетний интерн Рой Баш, не испытывает особого пиетета перед подаренной отцом-дантистом книгой «Как я спас мир, не запачкав халата».

«Клиника “Божий дом”» – гротескная, местами трагическая, местами убийственно смешная, переполненная благоприобретенным врачебным цинизмом сатира в стиле «Уловки-22» Джозефа Хеллера. Здесь действуют яркие, нелепые, зачастую очень неприятные персонажи, которые не менее ярко выглядели бы и на страницах «Уловки-22», а зашкаливающая абсурдность больничной жизни порой превосходит абсурдность армейской. В отличие от романа Хеллера, который был достаточно тепло принят в относительно мирном 1961 году, и лишь существенно позже, во времена войны во Вьетнаме (к большому неудовольствию автора) стал восприниматься как антивоенный манифест, роман Шэма скандалы преследовали с самого начала. Книга, в которой описывались современники – легко узнаваемые, имевшие немалый вес в медицинской среде Бостона персонажи, – немедленно вызвала возмущение. Многие врачи отказывали ей в праве на существование, а тысячи студентов, прочитав «Божий дом», к неудовольствию деканов звали Стивена Бергмана (таково настоящее имя Сэмюэля Шэма) на встречи в кампусе.

Что же такое американская интернатура? И почему книга, описывающая превращение студента Лучшего медицинского института (практически не завуалированный медицинский факультет Гарварда) в интерна Божьего дома (еще менее завуалированная больница «Бет Израиль» в Бостоне, университетская клиника, входящая в гарвардскую систему), остается актуальной до сих пор? Дело в том, что этот невероятно резкий переход от учебы в старых университетских аудиториях, от радости познания к работе интерна, к изматывающим, обезчеловечивающим часам в отделениях, наполненных мерцающими лампами дневного света и запахом продуктов человеческой жизнедеятельности, замаскированных антисептиками, по-прежнему остается очень травмирующим. И эта книга не только подарила медицинскому миру ряд идиом, использующихся по сей день, но и сделала возможным разговор о насущных проблемах послевузовского медицинского образования. Проблемы эти никуда не делись и в наши дни, хотя некоторые проведенные с того времени реформы и сделали жизнь начинающих докторов чуть менее тяжелой. Путь молодого врача – это не только риск медицинских ошибок (что ставит под угрозу здоровье и жизнь пациентов и едва начавшуюся карьеру врача), но и намного более высокая, чем у представителей других специальностей, вероятность возникновения семейных неурядиц, депрессии, алкоголизма, наркомании и даже суицида.

Книга написана от лица Роя Баша, тридцатилетнего оксфордского стипендиата и выпускника Лучшего медицинского института, проходящего интернатуру в Божьем доме. На первых страницах мы видим героя летом следующего за интернатурой года. Рой пытается наслаждаться жизнью в Провансе вместе со своей невестой Берри, но видно, что пережитое им не дает ему покоя. У него типичное посттравматическое расстройство, свойственное людям, пережившим тяжелые события и ощущающим свою беспомощность на их фоне. И не случайно Рой сравнивает интернатуру с войной. Он вспоминает, как они вместе с резидентом – Толстяком, усталые и потные, склонялись над пациентом, словно герои Иводзимы. Психологическое состояние Роя в этот момент ужасно, он говорит о суициде, и, по его словам, можно понять, что он больше не видит в пациентах людей, нуждающихся в помощи. Они – враги, поставившие его на колени. Он не может победить – и готов сдаться, но боится, что этим доставит им удовольствие. И даже в раю Прованса Рой продолжает видеть гомеров. Гомер – получившая распространение аббревиатура, используемая для обозначения хронических пациентов: Get Out of My Emergency Room (прочь из моего приемного покоя). Она дала название юмористическому блогу, она используется во множестве медицинских фильмов и сериалов. Рой больше не видит вокруг себя стариков, он видит гомеров и не может избавиться от мыслей о них. Пролог заканчивается фантазией Роя, макабрической сценой группового секса у койки пациента из другой, приводящей героя в не меньшее отчаяние, категории больных: «умирающие молодые». Фантазия заканчивается смертью и оргазмом, а Рой возвращается на год назад, к своему первому дню в Божьем доме.

Я приехал в Америку в конце 2003 года с медицинским дипломом, сдал подтверждающие его экзамены и в 2006 году начал резидентуру. До этого я никогда не работал врачом. В 2006 году реформы, о которых начали говорить давно (и не в последнюю очередь – благодаря книге Сэмуэля Шэма), уже начали давать плоды. Интернам разрешилось работать не более восьмидесяти часов в неделю, а тридцатишестичасовые дежурства сократили до тридцатичасовых. Но даже несмотря на эти нововведения, первый год работы в качестве врача – опыт, который редко вспоминают с радостью или ностальгией. Постоянная усталость, недосып, ощущение беспомощности при осознании катастрофической нехватки знаний и навыков – все это приводит в отчаяние, а пациенты теряют индивидуальные черты, превращаясь в источник бесконечного потока жалоб и диагнозов.

Несомненно, в «Божьем доме» очень много гротеска, а все эти «-измы», упомянутые выше, порой заставляют современного читателя ежиться от дискомфорта. Но несмотря на это, когда друзья просят рассказать о моем опыте американской резидентуры, я отсылаю их к этой книге, а не к привычным медицинским романам, где герои-врачи спасают жизни, не запачкав халата.

Часть первая

Франция

Жизнь – как пенис. Если расслаблен – не кончишь; если напряжен – тебя поймеют.

Толстяк, врач-резидент Божьего дома

Если не считать солнцезащитных очков, Берри абсолютно нага. И даже сейчас, во Франции, когда я еще не отошел от интернатуры, ее тело кажется мне совершенным. Я люблю ее груди; мне нравится, как они меняют форму, когда Берри ложится на живот или на спину, когда она встает или идет. И танцует. Ох, как они хороши, когда Берри танцует. Связки Купера, залог упругости молочных желез, у нее безупречны. А ее лобок, лобковый симфиз, кость, лежащая в основе поросшего темными волосками холма Венеры? Капельки пота сияют под солнцем, и загорелое тело Берри выглядит еще эротичнее. Но мой взгляд – взгляд врача, и после года, проведенного среди изъеденных болезнями тел, все, на что я способен, – это тихо сидеть, смотреть и запоминать. Ощущать этот мягкий, жаркий, наполненный ностальгией день. Безветренно. До такой степени, что огонек от спички поднимается строго вверх; он почти невидим в раскаленном воздухе. Зеленая трава, белые стены арендованного нами фермерского домика, красная черепичная крыша на фоне синего августовского неба... Слишком совершенно для этого мира. Но думать не надо. Время для этого придет позже. Сейчас не важен результат, важен только процесс. Берри учит меня любить, как я любил когда-то раньше, до начала этого года, превратившего меня в ходячий труп.

Я пытаюсь расслабиться, но не могу. Мои мысли уносятся обратно в больницу, в Божий дом, и я вспоминаю о том, как интерны занимались сексом. Без любви, среди гомеров¹, умирающих стариков и умирающих молодых, мы накидывались на женщин Дома как животные. И трепетных учениц медицинских школ, и суровых старших сестер из отделения неотложной помощи, и даже потасканных, что-то чирикающих на ломаном языке мексиканских уборщиц – мы пользовали их всех. Я думаю о Коротышке, перешедшем от двухмерного секса с картинками из порножурналов к щекочущим позвонки приключениям с ненасытной медсестрой Энджел – Энджел, которая без своей фирменной жестикуляции не могла сказать и пары слов. И я знаю, что секс в Божьем доме был нездоров и печален, циничен и нездоров. И происходил без любви: все мы уже перестали слышать ее шепот.

– Рой, вернись! Не уплывай туда.

Берри. Мы заканчиваем обед, мы почти добрались до сердцевин артишоков. Здесь, на юге Франции, артишоки вырастают до невероятных размеров. Я очистил их и сварил, а Берри приготовила соус. Еда здесь бесподобна. Мы часто обедаем в залитом солнцем саду ресторана, под навесом ветвей. Белоснежная крахмальная скатерть, сияющий хрусталь, свежие розы в серебряной вазе. Слишком совершенно для этого мира. В углу притаился наш официант с переброшенной через руку салфеткой. Его руки дрожат. У него старческий тремор – тремор гомеров, всех гомеров этого года. Я добираюсь до последних, уже несъедобных частей артишока и отправляю остатки в мусорную кучу: для фермерских кур и гомероподобной собаки с остекленевшим взглядом; я представляю себе гомера, поедающего артишок. Такого не может быть. Разве что превратить артишок в пюре и отправить в желудок по гастральной трубке. Я снимаю жесткие листья, покрывающие сочную сердцевину, – и думаю о еде в Доме и о чемпионе по ее поеданию, лучшему в терапии, лучшему из резидентов – Толстяке. О Толстяке,

¹ Gomer, аббревиатура от Get Out of My ER (Пойди прочь из моего приемного покоя) – вошедшее в обиход прозвище пациентов с деменцией из домов престарелых.

уминающем луковые кольца и еврейские традиционные хот-доги одновременно с малиновым вареньем. О Толстяке с его «ЗАКОНАМИ БОЖЬЕГО ДОМА» и концепциями терапии, которые поначалу звучали безумно, но на поверку оказались единственно верными. Я вижу нас – усталых и потных, как герои Иводзимы, склонившимися над одним из гомеров.

– Они превращают нас в инвалидов, – говорит Толстяк.

– Они поставили меня на колени, – отвечаю я. – Я бы покончил с собой, но не хочу доставлять этому ублюдку удовольствие.

Мы обнимаем друг друга и плачем. Мой толстый гений, он всегда был рядом, когда я нуждался в нем. Но где он сейчас? В Голливуде, в гастроэнтерологической клинике, проводит полные обследования ЖКТ одно за другим, так сказать: «Через кишки – к звездам». И я знаю, что едкий сарказм был его способом сочувствия – его и двух полицейских, дежуривших в приемном отделении, двух ангелов-хранителей, которые казались не только всезнающими, но и наделенными даром предвидения. Толстяк и двое копов – именно они протащили меня через этот год. Но несмотря на их помощь, – все происходившее в Божьем доме в это время было ужасно, и я пострадал, серьезно пострадал. До Божьего дома я любил стариков. Но они перестали быть стариками, теперь они – гомеры, и я уже не любил их, я не мог их любить. Я пытался расслабиться – и не мог, я пытался любить – и не мог, я поблек как застиранная рубаха.

– Ты слишком много думаешь о Доме, может, тебе стоит туда вернуться? – язвит Берри.

– Родная, это был паршивый год.

Я отхлебываю вино. Большую часть проведенного здесь времени я пьян. В ярмарочные дни я напиваюсь в кафешках, а когда ярмарка сворачивается – иду в бары. Пьяный, я плаваю в реке: жарким днем, когда воздух, вода и тело – одной температуры и уже не чувствуешь, где заканчивается тело и начинается вода; когда река и воздух вращаются вокруг тебя, и их потоки затейливо переплетаются и струятся, бессмысленно заполняя собой и пространство, и время. Я плыву вверх по течению, глядя на то, как извивающаяся река растворяется в ивах, отбрасывающих тени, и на повелителя теней – солнце. Пьяный, я загораю, валяясь на полотенце, и с растущим возбуждением смотрю на эротический балет переодевающихся англичанок, выхватывая взглядом то мимолетно приоткрытую грудь, то промелькнувшие лобковые волосы – точно так же мелькали и приоткрывались они у медсестер Дома, переодевавшихся до или после работы – и ничуть не стеснявшихся меня. Иногда я, напившись, бесконечно думаю о состоянии своей печени и обо всех циррозах, которые желтели и умирали у меня на глазах. Они либо умирали от кровотечения – паникуя, кашляя и захлебываясь кровью из разорванных вен пищевода, либо впадали в кому и блаженно ускользали в небытие по пропахшей мочой дороге из желтого кирпича.

Я потею, по телу пробегают мурашки, а Берри становится красивой, как никогда. Выпитое вино заставляет меня чувствовать себя зародышем, плавающим в амниотической жидкости, питающимся через пуповину материнскими соками; скользким зародышем, кувыркающимся в теплой влаге материнской утробы. В Божьем доме алкоголь становился спасением. Я думаю о своем лучшем друге – Чаке, черном интерне из Мемфиса. В сумке у него всегда была пинта «Джека Дэниелса» на случай, если его особенно достанут гомеры или кто-то из штатных лизоблюдов Дома – типа шеф-резидента или главврача собственной персоной (они считали Чака безграмотным и непривлекательным, хотя он был и грамотным, и привлекательным, и лучшим врачом в этой дыре). Пьяный, я думаю о том, что случившееся с Чаком в Доме оказалось очень жестоким: он был счастливым и веселым, а стал суровым и мрачным, его сломили. Такой же взгляд, как у него – злой и затравленный, – я видел у президента Никсона, когда смотрел по французскому телевидению, как тот стоял на газоне перед Белым домом и объявлял о своей отставке – с этим трагичным и неуместным жестом «V», знаком уже не победы, а поражения – пока двери за ним не закрылись, филиппинцы не скатали красный

ковер, а Джерри Форд (не столько радостный, сколько растерянный) не поплелся в обнимку с женой к своему президентству². Гомеры, эти гомеры...

– Черт, все на свете заставляет тебя думать о гомерах! – говорит Берри.

– Я не знал, что думаю вслух.

– Ты просто не замечаешь этого, а делаешь в последнее время постоянно. Никсон, гомеры... Забудь о гомерах, здесь нет никаких гомеров.

Я знаю, что она ошибается. В один сочный, ленивый день я в одиночку спускаюсь по петляющей дороге, ведущей к кладбищу на холме. Смотрю на замок, церковь, старинные винные погреба, площадь и на речную долину далеко внизу, на ивы, выглядящие с такого расстояния игрушечными, на римский мост, от которого начинается дорога, и на саму реку, берущую начало на ледниках. Я никогда раньше не ходил этой дорогой, дорогой, идущей по самому краю хребта. Напряжение начинает отпускать меня, и я вновь чувствую то, что чувствовал раньше: красоту, радость и сладость безделья. Земля здесь настолько плодovита, что птицы не могут склевать всю ежевику. Я останавливаюсь и собираю немного ягод. Сочная вязкость во рту. Мои сандалии шлепают по асфальту. Я смотрю на цветы, это соревнование ярких расцветок и привлекательных форм, призывающее пчел к изнасилованию. Впервые за последний год я в мире с самим собой, ничто меня не тревожит, мир вокруг меня – цельный, естественный и прекрасный.

Я сворачиваю на повороте – и вижу большое здание (лечебницу или богадельню) с надписью «Хоспис» над дверью. Моя кожа покрывается мурашками, волосы на шее поднимаются, зубы сводит. И тут, конечно же, я вижу их. Их усадили в садике, под солнцем. Островки седых волос, разбросанные по зелени сада, похожи на одуванчики на лугу; гомеры, ожидающие последнего ветра. Гомеры. Я смотрю на них. Я различаю симптомы. Я ставлю диагнозы. Я прохожу мимо, и их глаза провожают меня, словно гомеры хотели бы помахать мне, или сказать bonjour, или дать любой знак того, что в пучине слабоумия у них прячутся остатки разума. Но они не машут, не говорят bonjour и не дают знаков. Здоровый, пьяный, загорелый, потный, объевшийся ежевикой, смеющийся про себя и пугающийся жестокости этого смеха, я чувствую себя превосходно. Видя гомеров, я всегда чувствую себя превосходно. Теперь я люблю гомеров.

– Хорошо, во Франции могут быть гомеры, но они не твои пациенты.

Она продолжает есть артишок, и соус стекает по ее подбородку. Она не вытирает его. Она не такая. Ей нравится ощущать масло на коже, нравится этот уксусный запах. Она наслаждается своей наготой, беззаботностью, маслянистостью, легкостью. Я чувствую ее возбуждение. Сказал ли я это вслух? Нет. Мы смотрим друг на друга, а капля соуса стекает с ее подбородка на грудь. Мы смотрим. Капля словно исследует кожу, медленно двигается, крадется в сторону соска. Мы молчим, но оба думаем: потечет капля дальше или остановится между грудей, или ускользнет в подмышку? Я опять ухожу в медицину: думаю о карциноме подмышечных лимфоузлов, мастэктомии, статистике смертности. Берри улыбается, не догадываясь о том, что мои мысли повернули к смерти. Капля соуса стекает к соску и останавливается. Мы улыбаемся.

– Прекрати думать о гомерах и слизни ее.

– Они все еще могут меня уничтожить.

– Не могут, давай же.

Когда я касаюсь губами ее соска и чувствую, как он напрягается, и ощущаю привкус уксуса, я думаю об остановке сердца. В палате толпа, и я прибегаю одним из последних. На койке – молодой пациент, уже интубированный. Санитар вентилирует ему легкие, резидент пытается поставить катетер в центральную вену, а студент бегает кругами. Все знают, что пациент умрет. Медсестра из интенсивной терапии, склонившись над койкой, делает ему массаж

² Здесь и далее – многочисленные отсылки к «Уотергейтскому скандалу»

сердца. Она из Гонолулу: рыжая, с великолепными бедрами и большими сиськами. Первосортными гавайскими сиськами. Это ее пациент, и она оказалась в палате первой. Я стою в дверях и смотрю: ее белая юбка задирается так, что, когда она склоняется над пациентом, я отлично вижу ее задницу. На ней бикини в цветочек, и сквозь белые эластичные колготки я почти различаю лепестки и тычинки. Я думаю о Гавайях. Вверх и вниз, вверх и вниз... посреди крови, рвоты, дерьма и мочи ее фантастическая задница двигается вверх и вниз. Как волны прибоя на вулканических пляжах, вверх и вниз, вверх и вниз. Мягкое место класса люкс. Я подхожу и кладу руку на ее ягодицу. Гавайка оборачивается, видит меня, улыбается, говорит: «Привет, Рой» – и продолжает свое дело. Я в это время массирую ее задницу – та двигается вверх-вниз, вертится – а моя рука следует за ней. Обеими руками я стягиваю с нее колготки и спускаю трусики до колен. Она продолжает массаж. Я просовываю руку между ее ног и глажу внутреннюю поверхность бедер – вверх и вниз, вверх и вниз, в ритме массажа сердца. Свободной рукой она расстегивает мои белые брюки и хватает мой набухший член. Напряжение невероятное. Вокруг кричат: «Адреналин!», «Дефибриллятор!»

Наконец-то им удастся настроить дефибриллятор и пристроить электроды на грудь пациента. Кто-то кричит: «Всем отойти от койки!», и рыжая спускается к моему члену...

– Разряд!

ВВВЗЗЗЗЗЗЗЗЗЗЗЗЗЗ.

Пациент получил разряд. Его тело вздрагивает, сокращением мышц реагируя на удар в 300 вольт, но на мониторе – прямая линия. Сердце мертво. В палату входит Коротышка, интерн. Это его пациент. Коротышка расстроен, кажется, он готов расплакаться. Потом он видит нас с гавайкой, занятых делом, и его глаза расширяются.

Я оборачиваюсь.

– Взбодрись, Коротышка! Нельзя уходить в депрессию с такой эрекцией!

В финале этой фантазии пациент умирает, мы все занимаемся любовью на залитом кровью полу, а при приближении оргазма поем:

– Я хочу жить в своей хижине, в Коала-Кахо, ГА-ВААА-ЙИИИИ!..

Часть вторая Божий дом

*Мы пришли сюда служить Господу и разбогатеть.
Берналь Диас дель Кастильо «История покорения Мексики»*

1

Божий дом был основан в 1913 году американскими евреями, сыновья и дочери которых, получив медицинское образование, из-за дискриминации не могли пробиться в интернатуру приличных больниц. Самоотверженность основателей была вознаграждена: Дом наводнили молодые и целеустремленные врачи, а вскоре больницу осчастливил сотрудничеством ЛМИ – Лучший медицинский институт в мире. Обретя статус, больница превратилась в структуру со сложной иерархией, и на самых низших ее ступенях оказались те, для кого некогда строился Дом, – младший врачебный персонал, «домовые»³. А на дне иерархии домовых находились интерны.

Прямая, проведенная вниз от вершины врачебной иерархии, упирается в интерна, но интерн в то же время находится и на дне множества других иерархий. С помощью различных уловок его могут нещадно эксплуатировать частнопрактикующие врачи, администрация больницы, медсестры, пациенты, социальные службы, телефонные операторы и даже уборщики. Последние убирают в дежурантских, регулируют отопление и кондиционеры, отвечают за туалеты, постельное белье и починку оборудования. Интерны полностью в их власти.

Врачебная иерархия Дома представляла собой пирамиду с большим количеством людей внизу и одним – на вершине. Учитывая качества, необходимые для возвышения, эту пирамиду проще всего представить в виде перевернутого рожка с мороженым, где путь наверх надо пролизывать. Из-за постоянного приложения языка к вышестоящей заднице те немногие, кому удалось пробиться ближе к вершине, представляют собой сплошной язык. Картирование коры больших полушарий показало бы, что мозг у этих гомункулов переродился в гигантский язык. И единственным преимуществом положения в самом низу рожка было то, что оттуда можно было с удобством наблюдать весь процесс пролизывания. Вот они, лизоблюды, оптимистичные и ненасытные детишки в июльском кафе-мороженом, лижущие, лижущие и лижущие. Зрелище было еще то.

Божий дом славился своей прогрессивностью, особенно в части отношения к младшему врачебному персоналу. Больница одной из первых стала предоставлять бесплатную психологическую помощь в семейных отношениях, а если это оказывалось бесполезным – благословляла развод. В среднем около 80 % состоящих в браке медицински образованных сыновей и дочерей, работая здесь, могли бы воспользоваться этим предложением: они отдалялись от своих супругов в результате постоянных нападков частнопрактикующих врачей, администрации больницы, медсестер, пациентов, социальных служб, телефонных операторов и уборщиков. Еще одним символом прогресса была вера Дома в эффективность мягкого погружения вновь прибывших интернов в ужасы предстоящего года. Для этого в понедельник, 30 июня, новичков пригласили на целый день для прослушивания серии лекций с фуршетом в местном кафе-

³ House Staff (домашний персонал) – интерны и резиденты – т. е. стажеры, проходящие последипломную клиническую подготовку. Некогда стажеры жили при больницах (отсюда – «резидент»), впоследствии – проводили там большую часть своего времени, работая по 10–15 часов в день.

рии. За день до начала интернатуры⁴. В этот день у нас была возможность познакомиться с представителями всех иерархий Дома.

Днем в воскресенье, перед понедельником с кафетерием, перед ужасным вторником первого июля, я валялся в постели. Последние июньские дни сияли солнцем, но мои жалюзи были опущены. Президент Никсон отправился на очередную встречу на высшем уровне, чтобы подрочить Косыгину; Мо Дин⁵ билась в истерике, не зная, что надеть на Уотергейтские слушания; а я страдал. Мои страдания даже рядом не лежали с теми душевными расстройствами и тоской, которые многие современные американцы испытывали при просмотре документальных телефильмов вроде «Калифорнийской семьи» – с дорогими поместьями, множеством машин и полным отсутствием книг. Я страдал от страха. Ужас поглотил меня целиком. Несмотря на пылающий энтузиазм, я панически боялся интернатуры в Божьем доме.

В постели я был не один. Со мной была Берри. Наши отношения пережили психологическую травму, нанесенную мне учебой в Лучшем медицинском институте, цвели пышным цветом и были наполнены жизнью, смехом, любовью и риском. Также в постели со мной были две книги. Первая – подарок моего отца-дантиста, некая книга «об интернатуре» под названием «Как я спас мир, не запачкав халата» – про интерна, который успевал в последний момент, брал на себя ответственность и отдавал распоряжения, спасавшие жизни. Вторую я купил себе сам. Это было пособие «Как это делается» – руководство для интернов-новичков, растолковывающее все, что нужно знать. Пока я вгрызался в эту книгу, Берри, клинический психолог, свернувшись клубочком, читала Фрейда. Несколько минут прошло в молчании, потом я застонал, уронил пособие и натянул простыню на голову.

– Помоги мне, помогиини, – простонал я.

– Рой, ты в ужасной форме!

– Все настолько плохо?

– Ужасно. На той неделе мне пришлось госпитализировать пациента, которого нашли прячущимся под одеялом. Даже он паниковал не так сильно, как ты.

– А ты можешь госпитализировать меня?

– У тебя есть страховка?

– Пока я не начал интернатуру – нет.

– Тогда тебе придется отправиться в государственную психушку.

– Что мне делать? Я все перепробовал и все равно до смерти боюсь.

– Попробуй отрицать.

– Отрицать?

– Да. Примитивная психологическая защита. Отрицай само существование всего этого.

Я попробовал отрицать существование всего этого. И хотя мне не удалось далеко продвинуться по пути отрицания, благодаря Берри я все-таки пережил эту ночь. А на следующее утро, в понедельник, она помогла мне побриться, одеться и отвезла в центр города, к Божьему дому. Что-то мешало мне покинуть машину, так что Берри пришлось открыть дверь и уговаривать меня выйти. Она всунула мне в руку записку «Встретимся здесь в 17:00. Удачи, люблю. Берри», поцеловала в щеку и уехала.

Я остался стоять на удушающей жаре, перед огромным зданием цвета мочи с вывеской «Божий дом». В одной из пристроек сносили стены: как гласила табличка, это должно было положить начало строительству «крыла Зока»⁶. Чувствуя грохот отбойного молотка у себя в

⁴ Год у интернов начинается 1 июля.

⁵ Морин Дин, киноактриса, жена советника Никсона Джона Дина.

⁶ Популярный у богатых пациентов вид благотворительности – строительство и реконструкция больниц. В результате пристройки, здания, отделения называют именами жертвователей, что сильно осложняет ориентирование. Например, «пойти в терапию Джефферсона» и «перевести пациента из отделения Мида» (прим. пер).

голове, я вошел в Дом и отправился искать зал заседаний. Когда я зашел, шеф-резидент⁷ по фамилии Фишберг и по прозвищу Рыба, произносил приветственную речь. Короткий, толстый, выбритый до синевы, Рыба только что закончил резидентуру, специализируясь на гастроэнтерологии – профиле Дома. Позиция шеф-резидента находилась в середине рожка с мороженым, и Рыба знал, что если в этом году он будет молодцом, то вышестоящие лизоблюды вознаградят его постоянной должностью – и возможностью пролизывать себе путь дальше. Он был посредником между интернами и всеми остальными, и он выражал надежду, что мы «будем обращаться к нему с любыми проблемами и вопросами». Произнося это, он скользил глазами по вышестоящим лизоблюдам, сидящим за председательским столом. Скользкий и верткий. Пышущий оптимизмом. Не чувствующий нашего ужаса. Я отвлекся и стал высматривать в зале других тернов⁸: вот приятный черный парень, ссутулившийся в кресле и прикрывший глаза ладонью; вот впечатляющий гигант с рыжей густой бородой, одетый в черную кожаную косуху и мотоциклетные очки, крутящий на пальце черный мотоциклетный шлем. Нереально.

– ...итак, днем или ночью, вы всегда можете на меня рассчитывать. А теперь я счастлив представить вам шефа терапии, доктора Легго.

Стоящий в углу сухощавый человечек с устрашающим фиолетовым родимым пятном на щеке неуклюже направился к трибуне. Он был одет в длиннющий, как у мясника, белый халат; длинный старомодный стетоскоп струился по его животу и таинственным образом исчезал где-то в брюках. У меня промелькнула мысль: «ЧТО ТАМ ДЕЛАЕТ СТЕТОСКОП?» Легго был урологом: почки, мочеточники, мочевые пузыри, мочевыводящие протоки и лучшие друзья застоявшейся мочи, катетеры Фолея...

– Божий дом уникален, – сказал шеф терапии. – Часть его уникальности заключается в связи с ЛМИ, и сейчас я хочу рассказать историю о ЛМИ – историю, которая покажет, насколько уникальны Дом и ЛМИ. Это история про доктора из ЛМИ и медсестру по имени Пэг, и она дает возможность увидеть, что эти связи...

Мой мозг отключился. Легго был ухудшенной версией Рыбы. Он публиковался, чтобы не сгинуть⁹, и стал шефом, но это высосало из него все человеческое, он стал высохшим, обезвоженным, практически уремичным. Он находился на вершине рожка, и наконец-то его лизали больше, чем приходилось ему.

– ...и вот Пэг подошла ко мне и с удивлением сказала: «Доктор Легго, как вы можете сомневаться в том, выполнила ли я распоряжение? Когда доктор из ЛМИ просит медсестру что-либо сделать, будьте уверены: это будет сделано и сделано хорошо».

Он сделал паузу, ожидая аплодисментов, но был встречен молчанием. Я зевнул и понял, что мои мысли переключились на секс.

– ...и вы будете рады узнать, что Пэг будет с нами.

– ГХХХХХАК! КХАААМ!

Терн в черной коже сложился пополам в приступе кашля, перебив Легго.

– ...она вернется из городской больницы, чтобы работать в Доме в этом году.

Легго продолжил аксиомой о святости жизни. Как и в увещеваниях Римского папы, акцент был сделан на сохранении жизни пациента любой ценой. Мы тогда и представить не могли, насколько разрушительной окажется эта проповедь. Закончив, Легго вернулся в свой угол и остался стоять. Ни он, ни Рыба, кажется, не имели четкого представления о том, что делает человека человеком.

⁷ Как правило, это врач, прошедший резидентуру и оставшийся еще на один год для обучения интернов.

⁸ Сокр. от интерн.

⁹ «Публикуйся или сгинешь» («publish or perish») – девиз ученых многих направлений, поскольку академическую карьеру невозможно сделать без научных публикаций.

Остальные выступающие были куда гуманнее. Какой-то тип из администрации Дома, в голубом пиджаке с золотыми пуговицами, пытался втолковать, что история болезни является юридическим документом, и рассказал, как на Дом недавно подали в суд из-за терна, шутки ради написавшего, что в доме престарелых пациента слишком долго держали на судне, отчего образовались пролежни, что при транспортировке в Дом привело к смерти. Истощенный молодой кардиолог по имени Пинкус отметил важность хобби для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний. Его хобби были «бег для поддержания формы» и «рыбалка для успокоения нервов». Также он отметил, что любой осмотренный нами пациент может поразить нас громкими вибрирующими сердечными шумами, которые на самом деле будут звуками отбойных молотков со стройплощадки крыла Зока – и поэтому мы можем просто выбросить наши стетоскопы. Психиатр, бородатый мужчина печального вида, посмотрел на нас умоляющим взглядом и сказал, что он всегда готов помочь. После чего шокировал нас следующим заявлением:

– Интернатура – это не юридический факультет, где вам говорят: «Посмотрите налево, посмотрите направо и осознайте, что не все смогут завершить обучение». Но это постоянное напряжение, и всем вам придется тяжело. Если вы дадите этому зайти слишком далеко... Что ж, каждый год выпускники как минимум одного, а то и нескольких медицинских институтов заменяют коллег, покончивших собой.

– КХХМ, КХ, БХХ, ХЭХ, ХРЭЭЭМ!

Рыба прочистил плотку. Ему не нравились разговоры о самоубийствах, и он пытался от них отделаться.

– И год из года прямо здесь, в Божьем доме, мы видим самоубийства...

– Спасибо, доктор Франк, – прервал Рыба. Взяв инициативу в свои руки, он снова запустил начавший было пробуксовывать механизм встречи, и мы покатались навстречу последнему из ораторов – представителю частнопрактикующих врачей, Аттендингу. Доктору Жемчужине.

О Жемчужине ходили легенды даже в ЛМИ. Когда-то шеф-резидент, в погоне за налом он бросил академическую карьеру и украл практику у своего старшего партнера, пока тот был в отпуске во Флориде. Благодаря успешному внедрению компьютерных технологий, позволивших полностью автоматизировать офис, Жемчужина занял первое место среди богатейших частников Дома. Гастроэнтеролог, в кабинете которого стоял собственный рентгеновский аппарат, он обслуживал самые состоятельные кишки города. Он был почетным доктором семейства Зока, крыло которого заставит нас выкинуть стетоскопы. Ухоженный, в модном костюме, в запонках с драгоценными камнями, умеющий вертеть людьми. Через минуту все мы были в его руках.

– Каждый интерн совершает ошибки. Самое главное – не совершать одну и ту же ошибку дважды и не делать кучу ошибок одновременно. Когда я проходил интернатуру здесь, в Доме, у одного из моих коллег-интернов, стремившегося сделать научную карьеру, умер пациент – и его семья не дала согласия на вскрытие. Глубокой ночью он отвез тело в морг и сам провел аутопсию. Это стало известно, его жестоко наказали и сослали далеко на Юг, где он по сей день работает в полной безвестности. Так вот, запомните: нельзя позволить вашей страсти к медицине затмить ваши чувства к людям. Этот год может оказаться прекрасным. Я начинал так же – и это открыло мне путь к тому, кем я стал сегодня. Я буду счастлив работать с каждым из вас. Удачи, парни, удачи!

С учетом отвращения, которое я испытывал к мертвецам, предостерегать меня от таких вещей было излишним. Но некоторые думали по-другому. Сидящий рядом со мной Хупер, гиперактивный интерн, мой бывший однокурсник по ЛМИ, кажется, был в восторге от идеи самостоятельно провести аутопсию. Его глаза светились, он раскачивался в кресле и только что не подпрыгивал. «Да уж, – подумал я, – что только людей не заводит...»

После окончания торжественных речей Рыба раздал нам наши графики на год. Потом юная девица с большой грудью вышла вперед, чтобы помочь нам пройти через бюрократический лабиринт. Она поведала нам «о главной проблеме, с которой сталкиваются интерны – парковке», познакомила с несколькими сложными парковочными схемами, раздала парковочные талоны и сообщила: «Здесь эвакуируют машины, у нас любят это делать. Лучше приклейте талоны к внутренней стороне лобового стекла: строители крыла Зока срывают все талоны, до которых им удастся добраться. И забудьте об идее ездить на работу на велосипеде. Местные подростковые банды каждую ночь навешиваются сюда с ножницами для резки металла. Ни один велосипед не будет в безопасности. А теперь нужно заполнить бланки для получения зарплаты. Все принесли карандаши номер два?¹⁰»

Черт. Я снова забыл. Вся моя жизнь прошла в попытках не забыть принести эти несчастные карандаши. Не помню, удалось ли мне это хоть раз?! Но всегда кто-нибудь да приносил. Я заштриховал нужные кружочки.

Встреча закончилась, и Рыба предложил осмотреть отделения и познакомиться с пациентами, которые завтра станут нашими. Меня пробрал озноб: я все еще пытался отрицать существование всего этого. Но все же я встал и вслед за остальными вышел из зала. Плетясь сзади, я шел по длинному коридору четвертого этажа. Два пациента сидели в креслах-каталках метрах в десяти от начала коридора. Первой была женщина с ярко-желтой кожей: это явно свидетельствовало о серьезной болезни печени. Она сидела в свете флуоресцентных ламп, ее рот был приоткрыт, ноги расставлены, щиколотки отекали, а щеки ввалились. В волосах у нее был бант. Рядом с ней сидел изможденный старик с нелепой гривой седых волос на покрытом венами черепе, и он кричал снова и снова:

– ПОГОДИ ДОК ПОГОДИ ДОК ПОГОДИ ДОК...

Из флакона в его вену вливалась желтая жидкость – и в то же время желтая жидкость вытекала из него по катетеру Фоули по покрытому пятнами марганцовки шлангу, который вился по его бедру как ручная змея. Толпа тернов-новичков пыталась пройти мимо этих несчастных, протискиваясь по одному. К тому времени, как я их догнал, в коридоре образовалась пробка, и мне пришлось остановиться. Черный терн и мотоциклист стояли рядом со мной. Старик (на его браслете с именем было написано «Гарри-Лошадь») продолжал:

– ПОГОДИ ДОК ПОГОДИ ДОК ПОГОДИ ДОК...

Я повернулся к женщине, браслет которой гласил: «Джейн Доу»¹¹. Она издавала бессмысленный набор звуков, переходящих в визг:

– АААООООУУУУУУЕЕЕЕЕИИИИИИ...

Заметив, что мы смотрим на нее, Джейн подалась в нашу сторону – так, будто хотела дотронуться, и я мысленно закричал: «Нет! Не трогай меня!» Она не смогла дотянуться да нас, но зато мощно перднула. Я всегда плохо переносил дурные запахи, и когда эта вонь накрыла меня, меня затосило. Нет, они не заставят меня прямо сейчас смотреть на моих будущих пациентов.

Я обернулся. Черный парень по имени Чак смотрел на меня.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил я.

– Старик, это очень печально.

Гигант в мотоциклетном прикиде нависал над нами. Он снова надел свою черную косуху и сказал: «Мужики, в моем медицинском, в Калифорнии, я никогда не видел таких старых людей. Я пошел домой, к жене».

¹⁰ Карандаши, оставляющие специфический темно-серый след; именно такими надо было заполнять экзаменационные листы и официальные бланки.

¹¹ Общепринятое обозначение пациенток, имя которых установить не удалось.

Он развернулся и пошел обратно, к лифту. Медные заклепки на спине его косухи складывались в надпись:

ГЛОТАЙ МОЮ ПЫЛЬ
ЭДДИ

Джейн Доу снова перднула.

– Ты женат? – спросил я Чака.

– Не-а.

– И я нет. Но я пока не готов все это видеть. Ни за что!

– Да, старик. Пойдем лучше выпьем.

Мы с Чаком влили в себя приличное количество пива и бурбона, и в итоге дошли до того, что начали смеяться над пердящей Джейн Доу и настойчивым Гарри-Лошадью, просившем нас «погодить». Для начала мы разделили наше отвращение, затем поделились страхами и наконец стали делиться прошлым. Чак вырос в Мемфисе в полной нищете. Я поинтересовался, как ему удалось вырваться оттуда и попасть в ЛМИ, этот чертог академической медицины, связанный с Божьим домом.

– Понимаешь, старик, это было так. Я оканчивал среднюю школу в Мемфисе, и однажды мне пришла открытка из Оберлинского колледжа: «ХОЧЕШЬ УЧИТЬСЯ В ОБЕРЛИНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ? ЕСЛИ ДА, ЗАПОЛНИ АНКЕТУ И ОТПРАВЬ ОБРАТНО». Вот и все, старик, вот и все. Никаких экзаменов, никакого отбора, ничего такого. Ну я и заполнил. И что ты думаешь? Меня взяли, четыре года с полной стипендией. А белые пацаны из моей школы рвали задницу как сумасшедшие, чтобы поступить¹². А я в жизни не выезжал из Теннесси и не знал про этот Оберлин ни хрена. Спросил кое-кого, мне рассказали, что там есть музыкальный факультет.

– Ты играешь на музыкальных инструментах?

– Издеваешься?! Мой старик всю жизнь сидел на посту ночного сторожа и читал вестерны, а маманя мыла полы. Я играл только в орлянку. В тот день, когда я отчалил в колледж, мой старик сказал: «Лучше б ты пошел в армию». И вот я сел на автобус до Кливленда, чтобы там пересесть на Оберлин, не зная даже, тот ли это Оберлин. Но увидел всех этих чуваков с инструментами, и понял: ага, кажется, это тот самый автобус. Пошел на начальное медицинское, потому что там не надо было ничего делать, только прочитать две книги: «Илиаду», в которую я не воткнул, и эту великую книгу о рыжих муравьях-убийцах. Знаешь? Там еще был чел, попавший в ловушку, и полчища рыжих муравьев-убийц, которые ползли и ползли. Офигенно.

– А почему ты потом пошел в мед?

– Та же фигня, старик, та же самая. На последнем курсе я получил открытку из университета Чикаго: «ХОЧЕШЬ ПОЙТИ В МЕДИЦИНСКИЙ В ЧИКАГО? ЕСЛИ ДА, ЗАПОЛНИ АНКЕТУ И ОТПРАВЬ ОБРАТНО». И все. Никаких вступительных, никаких собеседований, ни фигя. Четыре года с полной стипендией. И вот я здесь.

– А Божий дом?

– Та же фигня, старик, та же самая. Последний курс, я получаю открытку: «ХОЧЕШЬ СТАТЬ ИНТЕРНОМ В БОЖЬЕМ ДОМЕ? ЕСЛИ ДА, ЗАПОЛНИ АНКЕТУ И ОТПРАВЬ ОБРАТНО. И все. Скажи, круто?

– Да уж, ты их сделал.

¹² Пример действия «политики позитивной дискриминации» (affirmative action), подразумевавшей предоставление чернокожим разнообразных привилегий, в том числе прием в учебные заведения по квоте.

– Я раньше тоже так думал. А теперь смотрю на этих несчастных пациентов и все остальное – и мне кажется, что чуваки, приславшие мне эти открытки, все время знали, что я хочу их поиметь. И в итоге поимели меня, все это предоставив. Мой старик был прав, мое падение началось с первой открытки. Надо было идти в армию.

– Ну, зато ты прочитал про муравьев-убийц.

– Не поспоришь. А как ты?

– Я? Да мое резюме гораздо круче меня. Три года после колледжа я учился в Англии по стипендии Родса¹³.

– Черт! Ты видать нехилый спортсмен? Чем ты занимался?

– Гольфом.

– Не гони! С этими крохотными белыми мячиками?

– Честно. Оксфорд уже был сыт по горло тупыми здоровяками со стипендией Родса, и как раз в год моего выпуска они погнались за мозгами. Среди видов спорта у нас был даже бридж.

– Сколько же тебе лет, старик?

– Четвертого июля стукнет тридцать.

– Черт возьми, да ты старше нас всех, ты стар как мир.

– Мне надо было думать головой, а не рваться в Дом. Всю жизнь я получал по мозгам за эти карандаши номер два. Можно подумать, хоть чему-то научился.

– Что ж, старик, ну вот я на самом деле хотел бы стать певцом. У меня отличный голос. Послушай!

Чак запел фальцетом, пританцовывая на месте: «На небе луна-ааа, оу-воу-а-а... Ты обнимаешь меня-яяя, оу-воу-а-а...»

Песня была прекрасной, у Чака был прекрасный голос, и вообще все вокруг сейчас было прекрасным, что я ему и сообщил. В этот момент мы были в эйфории и, несмотря на то, что нас ожидало, чувствовали себя почти как влюбленные. Выпив еще по паре стопок, мы решили, что достаточно счастливы для того, чтобы уйти. Я полез за бумажником и наткнулся на записку от Берри.

– Черт! Я опоздал. Пойдем быстрее.

Мы расплатились и вышли. Жара отступила под натиском летней грозы. Мокрые насквозь, под раскаты грома и вспышки молнии, мы пели для Берри через окно машины. Чак поцеловал ее на прощание и пошел к своей машине. Я прокричал:

– Эй, забыл спросить, ты в каком отделении начинаешь?

– Кто знает, старик, кто знает...

– погоди, я проверю.

Я вытащил свой график и увидел, что в первый месяц мы с Чаком будем в одном и том же отделении.

– Эй, мы будем работать вместе!

– Отлично, старик, отлично! Бывай!

Мне он очень понравился. Он был черным, и он пробился наверх. С ним и я пробьюсь. Первое июля уже не так пугало меня. Но Берри расстроила моя идея залить отрицание бурбоном. Я был весел, а она – серьезна. По ее мнению, то, что я забыл про нашу встречу в первый же день, явно показало, какие трудности могут ждать нас в этом году. Я попытался рассказать ей о том, как прошла встреча, но не смог. Тогда я, смеясь, поведал о Гарри-Лошади и пердящей Джейн Доу. Но Берри даже не улыбнулась.

– Как вы можете хохотать над этим? Это же ужасно!

¹³ Международная стипендия для обучения в Оксфордском университете. Присуждается как за академические успехи, так и за спортивные достижения, обычно на два года. Стипендия на третий год обучения предоставляется только тем, кто показывает высокие результаты.

– Конечно. Кажется, отрицание всего этого не сработало.

– Как раз наоборот. Потому ты и смеешься.

В почтовом ящике меня ждало письмо от моего отца, оптимиста и мастера смысловых переходов. Он писал в своем фирменном стиле: «тезис – союз – тезис».

«Я знаю, сколько всего надо выучить в медицине, и это все ново. Это великолепно и нет ничего прекраснее человеческого тела. Большие физические нагрузки скоро станут рутинной, и ты должен следить за здоровьем...».

Берри уложила меня спать пораньше и ушла к себе домой. Вскоре я уже был окутан бархатным покрывалом сна – и устремился к калейдоскопу сновидений. Довольный, счастливый, больше не чувствующий страха, я воскликнул: «Привет, сны!» – и немедленно оказался в Англии, в Оксфорде, на обеде в общей столовой старшекурсников, среди аспирантов-философов. Я ел пресную английскую еду, поданную на китайском фарфоре, и обсуждал чокнутых немцев, которые уже пятьдесят лет работали над словарем всех существующих латинских слов, но дошли лишь до буквы «К», а затем я был ребенком, который летним вечером, после ужина, бежит к закату с бейсбольной перчаткой на руке, подпрыгивая в теплом сумраке; затем в круговерти снов я увидел цирк-шапито, падающий со скалы в море – и акул, раздирающих тучных кенгуру, и лицо утонувшего клоуна, растворяющееся в ледяной бесчеловечной пучине...

2

Наверное, первого гомера мне показал Толстяк. Толстяк стал моим первым резидентом, и он пытался как-то облегчить наш переход от студенчества в ЛМИ к интернатуре в Божьем доме. Он был чудесным – и был чудачком. Уроженец Бруклина, выросший в Нью-Йорке, – огромный, взрывной, невозмутимый, гениальный, эффективный, Толстяк целиком и полностью – от кончиков блестящих темных волос и острых карих глаз, от множества, всем необъятным телом с огромным животом, на котором блестящей рыбкой кувыркалась пряжка ремня, до кончиков огромных башмаков – был невероятен. Только Нью-Йорк мог оправиться от шока его рождения и вскормить его. Толстяк в свою очередь был исполнен местного патриотизма и скептически относился ко всему «дикому миру» по другую сторону Гудзона. Единственным исключением, конечно же, был Голливуд – Голливуд кинозвезд.

Ровно в половине седьмого утра первого июля Божий дом поглотил меня – и я впервые отправился в путь по бесконечному желтушному коридору шестого этажа. Это было южное крыло отделения № 6, где я должен был начинать. Медсестра с невероятно волосатыми руками направила меня к дежурантской, где уже шла подготовка к обходу. Я открыл дверь и вошел. Меня переполнял незамутненный ужас. Как сказал бы Фрейд устами Берри, «этот ужас исходил из эго».

Вокруг стола сидели пятеро. Толстяк; интерн по имени Уэйн Потс – южанин, которого я знал по ЛМИ, хороший парень, но вечно подавленный, зажатый и какой-то снулый, одетый в белоснежный халат с выпирающими из карманов инструментами; трое юнцов, сияющих энтузиазмом. Верный признак, по которому можно было отличить студентов ЛМИ в терапевтической субординатуре. К каждому интерну каждый день в течение всего года было прикреплено по одному студенту.

– Почти вовремя, – заметил Толстяк, кусая пирожок. – Где еще одна салага?

Предположив, что он имел в виду Чака, я сказал, что не знаю.

– Паршивец, – сказал Толстяк. – Из-за него я опоздаю на завтрак!

Завершал пейджер, и мы с Потсом застыли. Сообщение было для Толстяка; «ТОЛСТЯК, ПОЗВОНИ ОПЕРАТОРУ ДЛЯ ОТВЕТА НА ВНЕШНИЙ ВЫЗОВ, ОПЕРАТОРУ ДЛЯ ОТВЕТА НА ВНЕШНИЙ, ТОЛСТЯК, НЕМЕДЛЕННО».

– Эй, Мюррэй, что случилось? – сказал Толстяк в трубку. – О, отлично! Что? Название? Да, не вопрос, погоди секунду.

Повернувшись к нам, Толстяк спросил:

– Эй, салаги, можете назвать имя какого-нибудь известного доктора?

Вспомнив Берри, я сказал:

– Фрейд.

– Фрейд? Не пойдет, давай другое, быстро.

– Юнг.

– Юнг? Юнг. Мюррэй? Назови его «Доктор Юнг». Отлично. Вот увидишь, мы сделаем на этом состояние. Миллионы! Ладно, пока.

Повернувшись к нам с довольной улыбкой, Толстяк сказал:

– Состояние! Ха. Ну да ладно, начнем обход без третьего терна.

– Отлично, – сказал один из студентов, вскакивая на ноги. – Я привезу тележку для историй болезни. С какого конца отделения начнем?

– Сядь! – сказал Толстяк. – Что ты несешь? Какая тележка?

– Разве у нас не рабочий обход? – спросил студент.

– Он самый, прямо здесь.

– Но... Но мы что, не будем осматривать пациентов?

– В терапии практически нет необходимости смотреть на пациентов. Куда лучше на них не смотреть. Видишь эти пальцы?

Мы с опаской уставились на массивные пальцы Толстяка.

– Эти пальцы никого не трогают без необходимости. Вы хотите видеть пациентов? Валите, смотрите. Я видел слишком многих, особенно гомеров. На мою жизнь хватит.

– Кто такие гомеры? – спросил я.

– Кто такие гомеры? – улыбнувшись, начал Толстяк. – Го...

Рот его застыл на «О», он замер и уставился на дверь. Там стоял Чак, с головы до пят закутанный в коричневый кожаный плащ с меховой оторочкой, в темных очках и широкополой коричневой кожаной шляпе с алым пером, в туфлях на толстой платформе. Он неуклюже покачивался и выглядел так, будто всю ночь шлялся по барам.

– Йо, старик, что происходит? – спросил Чак.

Он упал в ближайшее кресло и развалился в нем, устало прикрыв глаза рукой. Для приличия он расстегнул пальто и бросил на стол стетоскоп. Тот был сломан. Чак взглянул на него и сказал:

– Так, кажется, я сломал скоп, а? Хреновый день.

– Ты выглядишь как кидала, – сказал один из студентов.

– Так и есть, старик. Видишь ли, в Чикаго, откуда я приехал, было лишь два типа чуваков, и первые кидали вторых. И если ты не одевался как кидала, то сразу попадал во вторую категорию. Сечешь?

– Забей, – спокойно сказал Толстяк. – Слушайте меня внимательно. Вы не должны были начинать со мной в качестве резидента. На моем месте должна была быть Джо, но ее отец вчера прыгнул с моста и разбился насмерть. Поэтому Дом изменил наши графики, и первые три дня вашим резидентом буду я. На самом деле после того, что я вытворял в прошлом году в интернатуре, они вообще не хотели допускать меня до свежих тернов, но у них не было выбора. Вы спросите, почему они не хотели знакомить меня с вами в ваш первый день стажировки? Потому что я буду прямо говорить вам, как обстоят дела, без болтологии. А Рыба с Легго не хотят разбивать ваши иллюзии так быстро. И они правы. Если у вас прямо сейчас начнется депрессия, которая должна бы была начаться в феврале, то в феврале вы начнете прыгать с мостов, как папаша Джо. Легго и Рыба хотят, чтобы вы продолжали видеть больницу через

розовые очки, чтобы вы не паниковали. А я знаю, что вы, новые терны, безумно напуганы уже сегодня.

Я сразу в него влюбился. Он был первым, кто понимал, что мы чувствуем.

– И что же тут такого, от чего непременно начнется депрессия? – спросил Потс.

– Гомеры, – ответил Толстяк.

– Кто такие гомеры?

Из коридора донесся непрерывающийся пронзительный крик:

– УХАДИ УХАДИ УХАДИ УХАДИ...

– Кто сегодня дежурит? Вы трое чередуетесь и в дни своих дежурств принимаете новых пациентов. Так кто сегодня дежурит?

– Я, – сказал Потс.

– Отлично, потому что эти ужасные звук исходят как раз от гомера, и, если я не ошибаюсь, это Ина Губер, которую я в прошлом году принимал шесть раз. Она настоящий гомер или, точнее, гомересса. «ГОМер» – это сокращение. «Гони отсюда маразматиков». Это именно то, что вам хочется простонать, когда их присылают сюда из богадельни в три часа ночи.

– Мне кажется это слишком жестко, – сказал Потс. – Не все мы так относимся к старикам.

– Ты что, думаешь, что у меня нет бабушки? – с достоинством парировал Толстяк. – Есть, и это самая прекрасная, самая замечательная, самая милая старушка на свете. Когда ее тефтельки из мацы плавают в бульоне, на них приходится охотиться с острой. От их силы суп левитирует. Мы едим их, сидя на лестнице и вытирая суп с потолка. Я люблю... – Толстяк вынужден был прерваться и смахнуть слезы, а затем вкрадчиво продолжил. – Я очень ее люблю.

Я подумал о деде, которого тоже очень любил.

– Но гомеры – это не милые старички, – продолжил Толстяк. – Гомеры – существа, которые уже потеряли нечто, делающее нас людьми. Они хотят умереть, но мы не даем им этого сделать. Мы проявляем жестокость, спасая их. А они жестоки к нам, они пытаются не дать нам их спасти, они сопротивляются, выпустив когти. Они заставляют страдать нас, а мы – их.

– Я не понимаю, – сказал Потс.

– После Ины поймешь. Но слушайте, хоть я и сказал, что я не осматриваю пациентов без необходимости, но когда я вам нужен – я здесь. Если вы умны, то научитесь мной пользоваться. Как пользуются самолетами, перевозящими гомеров в Майами. Я – Толстяк, летайте на мне. А теперь перейдем к картотеке.

Фундаментом, на котором стоял мир Толстяка, были карточки три на пять дюймов. Прозвонив: «Нет такого человека, медицинские показатели которого нельзя было бы уместить на карточке три на пять», он выложил на стол две больших стопки. Правую оставил себе, а левую разделил на три части и протянул по трети каждому из тернов. На каждой карточке был пациент. Наши пациенты, мои пациенты. Толстяк объяснил, что во время «обхода» он будет переворачивать карточки и ждать, а интерн должен доложить о прогрессе пациента. Не то, чтобы Толстяк верил в саму возможность прогресса, но ему нужно было получить информацию, чтобы позже, во время обхода с Рыбой и Легго, он мог доложить им «какую-нибудь лабуду». Первыми на очереди будут новые поступления от интерна, дежурившего прошлой ночью. Толстяк дал понять, что ему плевать на модные интерпретации современных научных теорий развития болезни. Не то, чтобы он был против науки. Наоборот, из всех резидентов он один имел в своем распоряжении целую библиотеку данных о любых болезнях, размещенную на карточках три на пять. Ему нравились данные на карточках три на пять. Ему нравилось абсолютно все, что могло поместиться на карточках три на пять. Но высшим приоритетом для Толстяка все-таки была еда. И когда это великолепное вместилище разума не получало пищу, у Толстяка был очень низкий порог терпения как к медицине – академической или любой другой, так и ко всему остальному.

Покончив с «обходом», Толстяк отправился завтракать, а мы отправились в палаты знакомиться с пациентами с наших карточек. Позеленевший Потс сказал: «Рой, я нервничаю, как шлюха в церкви». Мой студент, Леви, хотел идти осматривать пациентов вместе со мной, но я отфутболил его в библиотеку – студенты обожали торчать там часами. Мы с Чаком и Потсом подошли к сестринскому посту, и волосаторукая медсестра проинформировала Потса, что тетка по имени Ина Губер – это и есть его первое поступление. Ина сидела на каталке: массивная туша в форменном платье с надписью: «Дом престарелых – Новая Масада». Злобно глядя на нас, Ина прижимала к груди сумочку и бесконечно верещала:

– УХАДИ УХАДИ УХАДИ...

Потс сделал все прямо по учебнику: представился, сказав: «Здравствуйте, миссис Губер, меня зовут доктор Потс, и я буду вас лечить».

Ина прибавила громкость:

– УХАДИ УХАДИ УХАДИ...

После этого Потс попытался улучшить взаимоотношения с пациентом еще одним способом из учебника: взял ее за руку. Ина с быстротой молнии вдарила ему сумочкой, и Потс отскочил к стойке. Мы были ошарашены тем, сколько сил и злобы она вложила в этот удар. Потирая ушибленную голову, Потс спросил у медсестры Максин, есть ли у Ины лечащий врач, который поможет со сбором анамнеза.

– Да, – сказала Максин, – доктор Крейнберг. Малыш Отто Крейнберг. Он там, пишет назначения для Ины.

– Но частные доктора не могут делать назначения! Только резиденты и интерны. Таковы правила!

– Малыш Отто так не считает. Он не хочет, чтобы ты делал назначения его пациентам.

– Я сейчас же с ним поговорю!

– Не выйдет. Малыш Отто не будет с тобой разговаривать. Он тебя ненавидит.

– Ненавидит? Меня?

– Он ненавидит всех. Понимаешь, лет тридцать назад он изобрел что-то по части кардиологии и надеялся получить Нобелевскую премию, но не вышло. С тех пор он в ярости и ненавидит всех, а интернов – особенно.

– Что ж, старик, – сказал Потсу Чак. – Это, несомненно, интересный случай. Увидимся.

Перспектива знакомства с пациентами нервировала до такой степени, что у меня началась диарея. Когда я сидел в сортире с пособием «Как это делается», мой пейджер взорвался: «ДОКТОР БАШ, ПОЗВОНИТЕ В ОТДЕЛЕНИЕ № 6 ЮЖНОЕ КРЫЛО НЕМЕДЛЕННО».

Это сообщение вдарило прямо по моему анальному сфинктеру. У меня не было выбора. Я не мог убегать бесконечно. Я вернулся в отделение и попытался осмотреть пациентов. В белом халате, с черным докторским саквояжем в руке, я входил в палаты. И я выходил из палат. Вокруг царил хаос. Везде были люди, а все, что я знал, осталось в учебниках и библиотеках. Я пытался читать истории болезни. Слова расплывались, а мои мысли перескакивали от описания порядка действий при остановке сердца, изложенного в пособии «Как это делается» к Берри и этому странному Толстяку, от злобой атаки Ины на беднягу Потса к Малышу Отто, чье имя так и не прогремело в Стокгольме. В голове как навязчивая мелодия бесконечно крутилась мнемоника последовательности черепно-мозговых нервов: «Очнись, Зловещий Гробовщик: Бушует Тонус Организма, Лишая Собственный Язык Безмерной Доли Пессимизма». Сейчас я мог вспомнить лишь то, что «гробовщик» означает глазодвигательный нерв. И на хрена мне нужно было это знание?

Я запаниковал. К счастью, крики, доносящиеся из палат, помогли мне прийти в себя. Я вдруг подумал: «Это зоопарк, а эти пациенты – просто больные животные». Одноногий старичок с нелепым кустиком седых волос, стоящий на одной ноге и опирающийся на костыль, взволнованно кричащий, напоминал мне журавля; могучая, крестьянского вида полячка с

руками-молотами и двумя выпирающими из пещеры рта зубами была гиппопотамом. Множество видов обезьян... Но в моем зоопарке не было величественных львов, плюшевых коал, пушистых зайчиков или лебедей.

Правда, двое показались мне исключением. Первой была кроткая Софи: она поступила с основным диагнозом «депрессия» и жалобами на периодические головные боли. Но ее частный врач, доктор Путцель, почему-то назначил ей полное исследование желудочно-кишечного тракта, включая клизму с барием, рентгенограмму верхних отделов ЖКТ, сигмоидоскопию и ультразвуковое сканирование печени. Я не мог понять, как это связано с депрессией и головными болями. Когда я вошел в палату, то увидел старушку и лысеющего мужчину, который сидел рядом и с состраданием держал ее за руку. «Как мило, – подумал я, – ее приехал навещать сын». Но это оказался не сын, а тот самый доктор Боб Путцель (Толстяк называл его «состраданием из пригорода»). Я представился и спросил Путцеля о причинах назначения обследования ЖКТ при депрессии. Он нервно посмотрел на меня, поправил галстук-бабочку, пробормотал «пучение» и, поцеловав Софи, сбежал. Недоумевая, я позвонил Толстяку.

– Что за ерунда с исследованием ЖКТ? Она говорит о депрессии и головной боли!

– Специализация Дома – полное обследование кишечника. ТИБ – терапевтические исследования с барием.

– В барии же нет ни черта терапевтического! Он инертен!

– Конечно, нет. Но полное обследование кишечника все спишет.

– У нее депрессия! У нее нет никаких проблем с кишечником!

– Конечно, нет. И у нее нет вообще никаких проблем. Ей просто надоело посещать офис Путцеля, а Путцелю надоело звонить и справляться о ее здоровье. Поэтому они уселись в его белый «континенталь» и приехали в Дом. Она в порядке, она обычная СБОП, старушка без острых проблем¹⁴. Ты думаешь, что Путцель этого не знает? Но каждый раз, взяв Софи за руку, он получает сорок долларов твоих налогов. Миллионы. Видишь это строящееся здание, крыло Зока? Знаешь, для чего оно? Для полного обследования ЖКТ богатеев. Везде ковры, в рентгенологии – индивидуальные раздевалки с цветными телевизорами и объемным звуком. В дерьме ооочень много денег. Я сам собираюсь на специализацию в гастроэнтерологию.

– Но это же мошенничество!

– Конечно. Но не только. Это еще работа для тебя, а Путцель просто делает деньги. Это – дерьмо.

– Это – безумие.

– Это – медицина по-божьедомски.

– Ну и что же мне делать?

– Для начала перестань общаться с Софи. Если ты будешь с ней разговаривать, она пробудет здесь вечно. А потом натрави на нее студента. Ей это не понравится.

– Она гомересса? Она ведет себя по-человечески?

– Конечно! Приятная старушка.

– Правильно. СБОП. Не гомересса. Но среди твоих пациентов наверняка есть гомеры. Вот, смотри, Рокитанский. Пойдем!

Рокитанский был похож на старого бассета. Университетский профессор, перенесший массивный инсульт. Он лежал, привязанный к койке, с капельницей и катетером. Неподвижный, парализованный, глаза закрыты, дыхание спокойное, Казалось, ему снится косточка. Или хозяин. Или хозяин, бросающий косточку.

– Мистер Рокитанский, как поживаете?

Пятнадцать секунд спустя в глубине его разрушенного мозга что-то зашевелилось, и он, на открывая глаз, медленно прорычал:

¹⁴ Старушка без острых проблем (Little Old Lady in No Acute Distress) – реальная категория пациенток в больницах.

– КХРША.

Я самодовольно спросил:

– Мистер Рокитанский, какой сегодня день недели?

– КХРША.

Точно так же он отвечал на все вопросы. Мне стало грустно. Был профессор, а теперь овощ.

Я снова подумал о деде и почувствовал ком в горле. Повернувшись к Толстяку, я сказал:

– Это ужасно. Он скоро умрет.

– Нет, он не умрет. Он бы хотел, но не сможет.

– Он же не может жить вот так!

– Конечно, может. Послушай, Баш. Есть ЗАКОНЫ БОЖЬЕГО ДОМА. ЗАКОН НОМЕР ОДИН: ГОМЕРЫ НЕ УМИРАЮТ.

– Что за бред? Конечно они умирают!

– За год я не видел этого ни разу, – сказал Толстяк.

– Они же должны!

– Зачем? Они так и живут. Молодые, вроде нас с тобой, – вот эти умирают. Но только не гомеры. Никогда такого не видел. Ни разу¹⁵.

– Почему?

– Я не знаю. И никто не знает. Это необъяснимо. Может быть, они уже пережили свою смерть. И это ужасно. Это самое ужасное.

Вернулся Потс – обеспокоенный и озадаченный. Попросил Толстяка помочь ему с Иной Губер. Они ушли, а я вернулся к Рокитанскому. В полутьме палаты мне показалось, что по его морщинистым щекам стекают слезы. Меня захлестнуло волной стыда. Желудок перевернулся. Слышал ли он нас?

– Мистер Рокитанский, вы плачете? – спросил я и с нарастающим чувством вины ждал ответа.

– КХРША.

– Вы слышали, что мы говорили о гомерах?

– КХРША.

Я сдался и пошел слушать, что говорит Толстяк об Ине Губер.

– Но у нее же нет же никаких показаний к обследованию ЖКТ, – настаивал Потс.

– Медицинских показаний, – уточнил Толстяк.

– А какие еще могут быть?

– С точки зрения частников – очень серьезные. Скажи ему, Баш, скажи!

– Деньги, – сказал я. – «В дерьме ооочень много денег».

– Поэтому, что бы ты ни делал, Ина проведет здесь несколько недель. Увидимся на обходе, через пятнадцать минут.

– Это самое унылое из того, что мне приходилось делать в жизни, – сказал Потс, поднимая обвисшую грудь Инны. Та верещала и пыталась ударить его левой, привязанной, рукой.

Под грудью обнаружилась какая-то зеленоватая, жутко пахнущая тягучая субстанция. Ощувив вонь, я подумал, что Потсу этот первый день дается еще труднее, чем мне. Он был вынужденным переселенцем, переехавшим сюда, на Север, из Чарльстона, Южная Каролина. Выходец из богатейшей аристократической семьи – с «домом мечты» на улице Легаре, среди жасмина и магнолий; с летним домом на острове Паули, среди райских пляжей и атлантиче-

¹⁵ Если это и преувеличение, то небольшое. Так, например, при септическом шоке с почечной и печеночной недостаточностью смертность выше 50 %. Одна пациентка из дома престарелых на моей памяти переживала его восемь раз. У другого пациента года два назад из-за инфекции и септического эндокардита взорвался аортальный клапан. Недавно он поступил с очередной инфекцией пролежней, благополучно вылечился и вернулся в богадельню. Лучше не спрашивайте, что происходит с сорокалетними, поступившими с такими диагнозами.

ских ветров; с плантацией в верховьях реки, где Потс с братьями сидели на веранде, зачитывая друг другу отрывки из Мольера. Потс совершил роковую ошибку, поступив в Принстон, и усугубил ситуацию, пойдя в ЛМИ. В ЛМИ, мучаясь над трупами на занятиях по патологической анатомии, он познакомился с утонченной студенткой из Бостона. Надо сказать, что к тому времени его сексуальный опыт исчерпывался редкими встречами с учительницей младших классов из Чарльстона, которую, по его словам, привлекала его голубая кровь. Бостонская девица набросилась на Потса как сексуально, так и интеллектуально – и между ними расцвело то, что они называли «любовью». Расцвело, как в феврале расцветает фальшивая весна, когда набухают почки и появляются первые пчелы, – только для того, чтобы сгинуть, когда снова ударит мороз. Они поженились прямо перед началом интернатур: у него – в терапии в Доме, у нее – в хирургии в ЛБЧ – Лучшей больнице человечества, престижной и, конечно же, связанной с ЛМИ клинике для «сливок общества», находящейся на другом конце города. Их выходные совпадали редко, а сексуальные радости должны были превратиться в сексуальные мучения, ибо ни одно либидо не выдержит двух интернатур разом. Бедняга Потс. Золотая рыбка в аквариуме с пираниями. Даже в ЛМИ он выглядел подавленным, и все, чем он занимался, лишь углубляло степень его депрессии.

– Да, между прочим, – сказал Толстяк, просовываясь в дверь, – я назначил вот это.

У него в руках был шлем футбольной команды «Бараны Лос-Анджелеса».

– А это еще зачем? – спросил Потс.

– Для Ины, – ответил Толстяк, надевая шлем на голову пациентки. – ЗАКОН НОМЕР ДВА: ГОМЕРЫ СТРЕМЯТСЯ ВНИЗ.

– В смысле? – спросил я.

– Падают с кроватей. Я знаю Ину с прошлого года. Она совершенно безмозглая гомересса, но вне зависимости от того, насколько крепко ее привязывают, она будет падать. За прошлый год она дважды ломала основание черепа и потом валялась здесь месяцами. Да, кстати, хотя у нее клиническое обезвоживание, ни в коем случае не вливайте ей физраствор. Ее обезвоживание не имеет ничего общего с деменцией, хотя в ваших учебниках и пишут обратное. От физраствора она не станет менее слабоумной, зато агрессивность у нее повысится невероятно.

Потс всего на секунду обернулся к Толстяку, и тут Ина, каким-то образом освободившая левую руку, снова его треснула. Потс инстинктивно замахнулся в ответ – и в ужасе остановился. Толстяк расхохотался.

– Ха, ну вот видишь, что они вытворяют? Я их обожаю. Обожаю этих гомеров.

Смеясь, он вышел.

После надевания шлема громкость Ининых «УХАДИ УХАДИ УХАДИ...» возросла. Мы оставили ее – в бараньем шлеме на ушах, привязанную к койке немислимыми узлами, – и отправились на учебный обход.

Поскольку Божий дом был академической клиникой, связанной с ЛМИ, для каждой команды тернов ежедневно проводились обходы с «приглашенными звездами», в качестве которых выступали штатные местные лизоблюды или частнопрактикующие врачи¹⁶. Нашим сегодняшнем гостем был представитель частников, Джордж Доновиц, который был неплохим доктором в то время, когда пенициллин еще не изобрели¹⁷. Обсуждали молодого и в целом здорового мужчину, поступившего для рутинного обследования почечной недостаточности. Мой студент, Леви, докладывал о прогрессе пациента, а когда Доновиц начал выпытывать диагноз – ляпнул «амилоидоз», как будто выбрать можно было только из самых нелепых вариантов.

¹⁶ Часто познавательное, но чаще странное мероприятие, когда ничего не знающий о пациентах условный профессор выдвигает невероятные теории текущего заболевания и назначает лечение и диагностику на основании собственного потока сознания.

¹⁷ То есть до 1928 года.

– Классика, – пробормотал Толстяк, когда мы собрались вокруг пациента. – Типичный студент ЛМИ. Студент, который, услышав за окном стук копыт, первым делом думает, что это зебра¹⁸. У этого несчастного уремия из-за перенесенного в детстве стрептококкового фарингита, повредившего почки. Да и лечения амилоидоза все равно не существует.

– Амилоидоз? – переспросил Доновиц. – Отличная идея. Позвольте мне показать тест на наличие в тканях амилоида, который можно провести, не отходя от койки пациента. Как вы знаете, люди с этой болезнью страдают от нарушения свертываемости крови и подвержены кровотечениям. Тест очень простой.

Доновиц ушипнул пациента и выкрутил зажатый между пальцами участок кожи. Ничего не произошло. Озадачившись, он пробормотал что-то о том, что иногда приходится действовать жестче, – и скрутил кожу изо всех сил. Пациент вскрикнул, прыгнул с койки и заплакал от боли. Доновиц посмотрел на свою руку и обнаружил, что оторвал от руки несчастного довольно большой кусок плоти. Из раны хлестала кровь. Доновиц сначала побледнел и стоял, не зная, что предпринять. Потом он покраснел и попытался приладить оторванное обратно, как будто кожу можно было заставить прирасти на место, прижав, как следует. В конце концов, пробормотав: «Я очень извиняюсь...», Доновиц выбежал из палаты. Толстяк спокойно и сноровисто остановил кровотечение и перевязал рану. Мы вышли.

– Итак, чему же вы научились? – спросил Толстяк. – Вы узнали, что кожа при почечной недостаточности истончается и легко травмируется и что частники Дома – дебилы. Что еще? Что теперь может случиться с этим несчастным?

Студенты выпустили целое стадо зебр, и Толстяк велел им заткнуться. Мы с Потсом недоумевали.

– Инфекция, – сказал Чак. – Почечная недостаточность повышает восприимчивость к инфекциям.

– Именно! – сказал Толстяк. – Добро пожаловать в Город бактерий. Придется сделать анализы на все, что только можно. Если бы не Доновиц, этого беднягу выписали бы завтра. Теперь он будет лежать здесь недели, если, конечно, выживет. А если он об этом узнает, мы попадем в Город исков.

При этих словах студенты опять возбудились. Они задумались о правах пациентов, а «здравоохранение с человеческим лицом» всегда было горячей темой. Студенты хотели просветить пациента и надоумить его подать иск.

– Дохлый номер, – сказал Толстяк. – Чем хуже частник, тем лучше он умеет подойти к пациентам и тем больше они ему благодарны. Если даже врачи верят в иллюзорного доктора из телевизора, то что же говорить о пациентах? Рассказать им, что существует врачи категории «ноль-ноль»? Ни за что!

– «Ноль-ноль»? – переспросил я.

– С лицензией на убийство, – пояснил Толстяк. – Время обедать. После микробиологического анализа узнаем, куда совал руки Доновиц перед тем, как он попытаться убить этого уремичного шлимазла.

Толстяк оказался прав. В ране кишки самые разнообразные бактерии, в том числе вид, естественной средой обитания которого была клоака домашней утки¹⁹. Толстяк заинтересовался и задумал опубликовать статью «Случай утиной задницы Доновица». Пациент был на пороге смерти, но все-таки выжил. Через месяц его выписали, и он отправился домой в уве-

¹⁸ «Зебрами» называют редкие заболевания, которые молодые врачи постоянно пытаются найти у пациентов.

¹⁹ Ничего удивительного. Далеко не всегда медицинский персонал моет руки между осмотрами пациентов. У меня был пациент, поступивший в состоянии септического шока. В крови была обнаружена бактерия, обычно встречающаяся на сосцах дойных коров. Пациенту было 84 года, и последние несколько лет он провел в доме престарелых, не вставая с постели. Как и все гомеры, он выжил.

ренности, что случай с куском кожи, оторванным заботливым и славным доктором, был обязательной частью его – такого удачного – курса лечения в Божьем доме.

Толстяк пошел обедать, а наш кошмар возобновился. Максин потребовала, чтобы я назначил Софии аспирин от головной боли, но когда я уже ставил подпись под назначением, до меня вдруг дошло, что я несу ответственность за любые осложнения и побочные эффекты, и я остановился. Вдруг у Софи аллергия на аспирин, а я об этом не спросил? Да нет же, спросил! Нет у нее аллергии. Я начал расписываться, но вновь остановился. Аспирин может вызвать язву. Хочу ли я, чтобы эта СБОП истекла кровью и умерла из-за язвы? Лучше я подожду Толстяка, уточню, стоит ли давать ей аспирин. Он вернулся.

– Толстяк, я должен спросить у тебя кое-что.

– У меня есть ответ, у меня всегда есть ответ!

– Ничего, если я дам Софи аспирин от головной боли?

Посмотрев на меня как на инопланетянина, Толстяк уточнил:

– Ты вообще понимаешь, что спрашиваешь?

– Да.

– Рой, послушай. Матери дают аспирин младенцам. Ты сам себе даешь аспирин. Что с тобой?

– Кажется, мне просто страшно подписать назначение.

– Она бессмертна. Успокойся. Я буду рядом, хорошо?

Он закинул ноги на стол и раскрыл «Уолл-стрит джорнал». Я назначил аспирин и, чувствуя себя полным кретином, отправился осматривать гориллу по имени Зейс.

Сорок два, злобный, с серьезной болезнью сердца. Ему нужно было поставить новый внутривенный катетер. Я представился – и попробовал. Руки тряслись, от жары в палате я начал потеть, и несколько капель пота упали на стерильное поле. В вену я не попал. Зейс взвыл, застонал и начал вопить:

– Помогите! Медсестра! Болит! Сердце! Где мой нитроглицерин?!

Отлично, Баш. Твой первый сердечник – и ты устроил ему инфаркт.

– У меня инфаркт!

Отлично. Позовите доктора. Стоп, я же и есть доктор.

– Ты врач или кто? Нитроглицерин! Быстро!!!

Я положил таблетку ему под язык. Он велел мне проваливать. Я был совершенно убит – и мечтал о том же.

День, наполненный великими медицинскими достижениями, продолжался. Мы с Потсом вертелись вокруг Толстяка, как утята вокруг мамы-утки. Толстяк сидел, задрав ноги, с интересом читая о мире ценных бумаг, акций, слияний и поглощений. Но в то же время – как король, чувствующий свое королевство так же хорошо, как и собственное тело, догадывающийся о разрушительном наводнении на окраине своих земель по пульсации почек, а о необычайном богатстве урожая – по тяжести в желудке. Толстяк знал все, что происходит в отделении, и говорил нам, что делать, предупреждал о том, чего делать не надо, помогал нам. И лишь один раз он поднялся с места – и сделал это стремительно, решительно, героически.

У Потса был плановый пациент по имени Лео. Изможденный, седовласый, располагающий к себе, слегка запыхавшийся Лео стоял у сестринского поста, у его ног лежал саквояж. Мы с Потсом представились и поболтали с ним. Потс был счастлив наконец-то увидеть пациента, с которым можно было нормально общаться, который не казался смертельно больным и не пытался его избить. Но мы не знали того, что Лео попытается умереть прямо сейчас. Хихикая над одной из шуток Потса, он вдруг посинел и свалился на пол. Мы застыли, онемев и не в силах пошевелиться. Единственной моей мыслью было: «Как же неудобно получилось с

беднягой Лео». Толстяк окинул нас взглядом, вскочил на ноги, закричал: «Бейте его!»²⁰, но мы были слишком шокированы, чтобы действовать. Толстяк промчался мимо нас и сам ударил Лео в грудь, интубировал, начал закрытый массаж сердца, поставил катетер – и с хладнокровной виртуозностью организовал возвращение Лео из мира мертвых. Для помощи при остановке сердца сбежалась целая толпа, и нас с Потсом оттеснили от поля боя. Мне было стыдно, я чувствовал себя беспомощным. Лео, который смеялся над нашими шутками. Его попытка умереть была совершенно сюрреалистической, и я отрицал само ее существование. А Толстяк был великолепен, им можно было любоваться как произведением искусства.

Вернув Лео к жизни, Толстяк вместе с нами вернулся к посту медсестер, закинул ноги обратно на стол, вновь открыл журнал и сказал:

– Хорошо, хорошо. Ну да, вы запаниковали и теперь чувствуете себя полным дерьмом. Мне это знакомо. Это ужасно, и произойдет еще не один раз. Просто не забудьте то, что было. И ЗАКОН НОМЕР ТРИ: ПРИ ОСТАНОВКЕ СЕРДЦА ПЕРВЫМ ДЕЛОМ ПРОВЕРЬ СОБСТВЕННЫЙ ПУЛЬС.

– Я не ожидал такого, он же был плановым, а не экстренным, – сказал Потс.

– «Плановый» не значит здесь ни хрена, – ответил Толстяк. – Знаешь, Лео мог умереть.

Он достаточно молод для этого.

– Молод? Я думал, ему лет семьдесят пять.

– Пятьдесят два. Застойная сердечная недостаточность, которая хуже некоторых видов рака. Те, кто от нее умирает, – как раз его ровесники. Лео не стать гомером. Не с этой болячкой. Вот в этом главная трудность современной медицины: вокруг гомеры, гомеры, гомеры, и вдруг – бац! – появляется Лео, симпатичный мужик, который может умереть, и вы должны шевелиться, чтобы успеть спасти его. Это как то, что Джо Гараджиола говорил вчера о Луисе Тианте: «Он сначала творит всякую фигню, а в нужный момент включает свой мотор, удар – и его фастбол на целый ядр быстрее»²¹.

– Фастбол? – озадачился Потс.

– Иисусе, его быстрая подача, – сказал Толстяк. – Где вас только нашли?

Мы думали о том же. Мы оба – я и Потс. Мы чувствовали свою полную некомпетентность. А Чак почему-то был не таким. Он отличался от нас. Ему не нужна была помощь. Он знал, что делал. Вечером я спросил, как ему удастся быть настолько уверенным.

– Да легко, старик. Понимаешь, я же никогда ни фи́га не читал. Только делал.

– Не читал вообще ничего?

– Ну, разве что о рыжих муравьях-убийцах. Но я умею поставить центральный катетер, дренировать плевральную полость... да все, что требуется я умею. А ты – нет?

– Не-а, ничего из перечисленного, – сказал я, думая о моих сомнениях с аспирином для Софи.

– Да ладно, старик, что же вы там в ЛМИ делали?

– Читали. Я прочел, наверное, все книги по терапии.

– Вот, старик, в этом и есть твоя главная ошибка. Как и то, что я не пошел в армию. Может, я еще...

В струящихся лучах июльского солнца стояла медсестра дневной и вечерней смены. Она стояла, слегка расставив ноги, положив руки на бедра, и тихонько раскачивалась, и читала историю болезни. В лучах света ее форменная одежда казалась почти прозрачной, линии ее ног плавно текли от тонких щиколоток и икр к фигуристым бедрам. Она была без чулок, и через накрахмаленную ткань ее костюмчика просвечивали цветастые трусики. Она знала, что одежда просвечивает. Через блузку виднелась призывно расстегнутая застежка лифчика. Она

²⁰ Удар в область грудины – действие из алгоритма сердечно-легочной реанимации.

²¹ Популярный в семидесятые годы бейсбольный комментатор и питчер команды «Бостон Ред Сокс» соответственно.

стояла к нам спиной. Я уже почти мечтал, чтобы она никогда не поворачивалась, не портила впечатления от груди и лица, которые я успел вообразить.

- Ого, старик, это нечто.
- Обожаю медсестер, – сказал я.
- Что же такого особенного в медсестрах, старик?
- Видимо, белые костюмы.

Она обернулась. Я выдохнул. Я покраснел. Расстегнутая до ключиц блузка, идеальная грудь, и вся она – от выкрашенных алым губ и ногтей, от голубых век и длиннющих черных ресниц до золотой искорки крестика католической школы медсестер – вся она сияла как радуга внутри водопада. После целого дня, проведенного в жарком и вонючем Доме, с его частниками, и карьеристами, и гомерами, она была как глоток охлажденного апельсинового сока. Она подошла к нам.

- Я Молли.
- Красотка, я Чак.

Размышляя, правду ли говорят об отношениях медсестер и интернов, я представился:

- Рой.
- Первый день, мальчики?
- Ага. Думаю, лучше бы я пошел в армию.
- Я тоже новенькая, – сказала Молли. – Начала в прошлом месяце. Стремно, да?
- Без дураков, – ответил Чак.
- Держитесь, парни, мы прорвемся. Увидимся, а?

Мы с Чаком посмотрели друг на друга, и он сказал:

- Ну что, ты рад, что проводишь тут время, развлекаясь с гомерами, не так ли?

Мы смотрели, как Молли удалялась. Она остановилась лишь для того, чтобы поздороваться с Потсом, который как раз разговаривал с пациентом – молодым чехом, желтым из-за больной печени. Желтый человек флиртовал с Молли, а когда она, хихикая, уходила по коридору – раздевал ее взглядом. Потс подошел к нам и забрал результаты утренних анализов.

- Печеночные ферменты повышены, – сказал он.

– Он нехило желтушный, – сказал Чак. – Дай-ка посмотреть. Сильно повышены. На твоём месте, Потс, я бы дал ему роидов.

- Роидов?

- Стероидов, старик, стероидов. В любом случае, чей он?

- Это мой пациент. Он слишком беден и не может позволить себе частника.

– Что ж, я бы дал ему роидов. Вдруг у него быстротекущий некротический гепатит? Если есть и ты не вдарись по нему роидами прямо сейчас, он умрет.

– Да, – сказал Потс. – Но ферменты не очень-то и повышены, а у стероидов куча побочных эффектов. Я, наверное, подожду до завтра.

- Как скажешь. Но выглядит он слишком уж желтым, согласен?

Вспоминая слова Толстяка о том, что молодые пациенты могут умереть, я отправился доделывать свою работу. Когда я вернулся к посту медсестер, там стояли две старушки, пытавшиеся сквозь очки с толстыми стеклами разобрать имена интернов отделения, написанные мелом на большой доске. Они произнесли мое имя – и я спросил, могу ли я им помочь. Малюсенькие, на голову ниже меня, жмущиеся друг к другу, они уставились на меня.

- О, да, – сказала одна из них. – Какой вы высокий, доктор!

– Высокий и красивый, – подхватила другая. – Да, да, мы хотели бы узнать о состоянии нашего брата, Исаака.

- Исаака Рокитанского. Профессора. Он был страшно умен.

- Как он, доктор Баш?

Я почувствовал, что попал в ловушку, и не знал, что им сказать. Борясь с желанием произнести «КХРША», я ответил:

– Хм... Я здесь лишь первый день. Слишком рано говорить о чем-то определенном. Время покажет.

– Его мозг, – сказала одна из них. – Его блестящий интеллект. Мы рады, что вы будете его лечить, мы найдем вас завтра. Мы навещаем его ежедневно.

Я пошел дальше и заметил, что они показывают друг другу на меня, и рады, что доктором их брата стал именно я. Я был тронут. Я чувствовал себя врачом. Первый раз за этот день я ощущал гордость и радостное возбуждение. Они верили мне – и верили в мои способности. Я буду заботиться об их брате – и о них. Заботиться обо всех на свете. Почему бы и нет? Я гордо шагнул по коридору. Я поглаживал пальцем хромированную поверхность своего стетоскопа, чувствуя себя экспертом. Как будто я знал, что надо делать.

Но это чувство быстро прошло. Я все больше и больше закапывался в историях болезни, исследованиях кишечника и анализах и уставал все сильнее. Отбойные молотки из крыла Зока расшатывали мои слуховые косточки двенадцать часов подряд. Я не завтракал, не обедал и не ужинал, а работы все прибывало. Я даже не успевал сходить в туалет, так как каждый раз, когда я открывал дверь туда, жестокий пейджер гнал меня обратно. Я был изможден и утратил иллюзии. Перед тем, как отпустить нас, Толстяк спросил, не хотим ли мы обсудить что-нибудь еще.

– Я ничего не понимаю, – сказал я. – Это же не медицина. Я точно не подписывался на клизмы для обследования ЖКТ.

– Обследование ЖКТ это очень важно, – сказал Толстяк.

– Да, но где же нормальные пациенты?

– Это – нормальные пациенты.

– Не может быть. Сплошное старичье.

– Софи довольно молода, ей всего шестьдесят восемь.

– Бред, старичье и обследование кишечника. Это не то, чего я ожидал, входя сюда утром.

– Я знаю. Я тоже не ожидал ничего такого. Мы все ждем американскую медицинскую мечту: белые халаты, работа ради излечения пациента. Современная медицина – это Потс, избитый Иной. Это – Ина, которой должны были дать умереть еще восемь лет назад, когда она официально просила об этом в письменном виде, судя по записям богадельни Новой Масады. Медицина – это постельный режим до появления осложнений, страховые выплаты за поглаживание ручек и все остальное, что ты сегодня увидел, включая беднягу Лео, обреченного на смерть.

Думая о сестричках Рокитанского, я сказал:

– Ты чересчур циничен.

– Получил Потс от Ины или нет?!

– Получил, но это же не вся медицина.

– Правильно. Наш опыт показывает, что люди нашего возраста умирают.

Циник.

– Ах, да, – сказал Толстяк, подмигнув. – Никто не хочет, чтобы ты это знал. Еще рано. Потому они и хотели, чтобы вы начали с Джо, а не со мной. Я бы хотел научиться врать. Но не важно, не хочу тебя расстраивать. Это как секс, ты со временем все поймешь сам. Почему бы тебе не пойти домой?

– Я еще не закончил.

– Ладно, ты этому тоже не поверишь, но большинство вещей, которые ты делаешь, тоже не имеют смысла. Они ни хрена не значат для здоровья этих гомеров. Но ты не знаешь даже, с кем ты сейчас разговариваешь.

Я не знал.

– С потенциальным создателем величайшего изобретения американской медицины, «Доктора Юнга». Там будет даже больше денег, чем в кишках кинозвезд.

– О чем это ты?

– Увидишь, – сказал Толстяк. – Увидишь.

Он ушел. Мне стало страшно без него – и неудобно от того, что он наговорил. Должен понять сам? В пятом классе, когда я спросил у одного итальянского паренька, чем ему нравится секс, он ответил: «Это приятно». Тогда я не мог понять, почему кто-то что-то делает только потому, что «это приятно». Какой в этом смысл?

Перед уходом мне захотелось попрощаться с Молли. Я поймал ее, когда она шла к туалету с судном. Я прошелся с ней, дерьмо плескалось в судне, и я сказал:

– Не очень-то романтично для первой встречи.

– Романтичные знакомства принесли мне кучу неприятностей, – сказала она. – Уж лучше реализм.

Я пожелал ей доброй ночи и поехал домой. Солнце заливало город горячим красным светом, и все вокруг казалось воспаленным. Я настолько устал, что с трудом вел машину, а дорожная разметка казалась мне предвестником эпилептического припадка. Все окружающие люди выглядели странными: как будто у каждого была болезнь, которую я должен был диагностировать. В моем мире правили бал болезни, и права на здоровье не было ни у кого. Даже женщины, не надевшие лифчиков – с капельками пота на груди, с выпирающими в ожидании пышной и знойной летней ночи сосками, пропитанные эротизмом, усиленным запахом возбужденного тела и июльских цветов, – даже они заставляли думать не о сексе, а об анатомии. И напевать я мог лишь одну мелодию из всех существующих: босанову «Во всем обвиняй карциному».

В почтовом ящике меня ждала записка:

«Я помню о тебе, в халате белоснежном, интерном трудно быть, но ты вернешься нежным... С любовью, Берри».

Раздеваясь, я думал о Берри. Я думал о Молли, о Потсе и его члене, полном голубой крови. Но мой член этой ночью не подавал признаков жизни: этот день укутал меня, и я уже не мог испытывать какие-либо чувства, включая возбуждение, включая любовь. Я лежал на прохладных простынях, которые казались мягче, чем кожа младенца, и думал об этом странном Толстяке и о том, что, несмотря на бушующее лето, смерть ведет свой вечный отсчет всегда, всегда.

3

Входя утром в отделение № 6, я уже знал, что меня ожидает, – и это притупляло страх. Но я увидел нечто странное: на сестринском посту сидел Потс и выглядел так, будто им стреляли из пушки. Омерзительно грязный халат, растрепанные волосы, кровь под ногтями, рвота на ботинках, а глаза – розовые как у больного кролика. Рядом с ним, привязанная к креслу, сидела Ина – все еще с бараньим шлемом на голове. Потс что-то писал в ее истории. Ина высвободилась и с криком «УХАДИ УХАДИ УХАДИ» попробовала достать его хуком слева. И тут взбешенный Потс – рафинированный интеллигент, цитирующий Мольера, из Потсов с улицы Легаре, – заорал: «Черт возьми, Ина, заткнись наконец и успокойся!» и швырнул ее обратно в кресло. Я не мог поверить своим глазам. Одно ночное дежурство, и джентльмен с юга превратился в садиста?

– Привет, Потс, как прошло?

Подняв голову, со слезами на глазах он сказал:

– Кошмар! Толстяк сказал не волноваться: мол, частники знают о том, что сегодня пришли новые терны, и не будут направлять никого, кроме экстренных. И что? Я получил пять с половиной экстренных!

– Как это «с половиной»?

– Перевод из другого отделения. Я спросил Толстяка, что делать, а он сказал: «Так как это перевод, ты можешь осмотреть только половину пациента».

– Какую половину?

– На твое усмотрение. Но с этими пациентами, Рой, я бы советовал выбирать верхнюю²².

Ина снова попыталась вскочить. Как раз в тот момент, когда Потс привязывал ее обратно, вошли Чак и Толстяк. Толстяк спокойно заметил:

– Я так понимаю, что ты не стал меня слушать и дал Ине физраствор?

– Так точно, – виновато пробормотал Потс. – Я влил ей жидкость и, как ты и говорил, она вышла из-под контроля. У нее начался психоз, и я дал ей нейролептик, торазин.

– Что ты ей дал? – переспросил Толстяк.

– Торазин.

Толстяк заржал. Звучный раскатистый смех прокатился по его телу – от глаз по щекам и всем подбородкам, вниз к животу – и он сказал:

– Торазин! Так вот почему она ведет себя как шимпанзе. У нее же давление не выше шестидесяти! Принеси тонометр. Потс, ты – чудо. Первый день интернатуры – и ты уже попытался убить гомера торазином. Я слышал о воинственности южан, но всему есть предел!

– Я не пытался ее убить!

– Систолическое давление пятьдесят пять, – сказал мой студент Леви.

– Положите ее головой вниз, – приказал Толстяк. – Пусть туда прильет немного крови!

Пока Леви с медсестрами переносили Ину обратно в палату, Толстяк объяснял нам, что у гомеров торазин снижает давление до такой степени, что остатки их мозга не получают кровоснабжения.

– Инна пыталась вырваться, чтобы лечь. Ты чуть ее не угробил.

– Вечернее обострение, – сказал Толстяк. – У гомеров оно происходит постоянно. У них и так нарушено восприятие, а когда заходит солнце и становится темно, они совсем съезжают с катушек. Ну, что собрались? Вернемся к карточкам. Торазин! С ума сойти!

Толстяк прошелся по карточкам, начав с пяти с половиной новых поступлений, превративших Потса в садиста. И снова, как и вчера, все, что я выучил в институте, оказывалось либо неправильным, либо ненужным. Обезвоженная Ина, состояние которой ухудшилось от физраствора. Депрессия, которую лечили клизмой с барием... А третьему поступлению Потса, мужику с болью в животе, знавшему, что «все вы, доктора, нацисты, но я еще не решил, который из вас Гиммлер», было назначено не обследование ЖКТ, а то, что Толстяк назвал «СПИХОМ В ПСИХИАТРИЮ».

– Что значит СПИХ? – спросил Потс.

– СПИХНУТЬ – значит, перевести пациента из твоего отделения или вообще из Дома. Ключевая концепция. Основа современной терапии. Звони психиатрам, расскажи им про нацистов, не упоминай боль в животе, и – бац! – СПИХНУЛИ В ПСИХИАТРИЮ.

Разорвав карточку с именем охотника за нацистами, Толстяк бросил обрывки через плечо и объявил:

– Спихнули, отлично. Продолжим. Кто следующий?

Потс доложил про своего последнего пациента: молодого мужчину, нашего ровесника, который, играя в бейсбол со своим сынишкой и отбив сложную подачу, свалился без сознания у первой базы.

– Как ты думаешь, что с ним произошло?

²² Диалог, обусловленный системой подсчета новых поступлений и переводов. Перевод оценивается как поступление «попроще», так как переводящая команда пишет выписку и назначения. Но на самом деле назначения в 90 % случаев приходится переписывать, а выписка обычно звучит примерно так: «Пациент с такой-то проблемой поступил, состояние улучшилось, а дальше – разбирайтесь как знаете».

- Внутричерепное кровоотечение, – ответил Потс. – Он в крайне тяжелом состоянии.
- Он умрет, – сказал Толстяк. – Ты хочешь дать ему шанс? Трепанация?
- Я уже все организовал.

– Прекрасно, – сказал Толстяк, разрывая карточку молодого пациента. – Отличная работа, Потс. СПИХ В НЕЙРОХИРУРГИЮ. Два СПИХА на трех пациентов.

Мы переглянулись. Было ужасно осознавать, что человек нашего возраста, только что игравший с шестилетним сынишкой летним вечером, стал овощем, и хирурги уже готовятся вскрывать его наполненную кровью голову.

– Конечно, это ужасно, – сказал Толстяк. – Но тут мы не можем ничего сделать. Люди нашего возраста умирают. Точка. Болезни, которые мы цепляем, не лечатся с помощью медико-хирургической болтологии. Следующий?

– Следующий еще хуже, – севшим голосом сказал Потс.

– Кто же это?

– Чех, Лазлоу. Желтый человек. В районе десяти вечера у него начались судороги, и я не мог их остановить, несмотря на все усилия. Я сделал все, что мог. Уровень ферментов печени зашкалил. Он... – Потс посмотрел на нас с Чаком, потом потерянно уставился на свои ноги и закончил: – У него развился быстротекущий некротизирующий гепатит. Я перевел его в интенсивную терапию. Он больше не наш пациент.

Толстяк мягко поинтересовался, назначал ли Потс стероиды. Потс ответил, что думал об этом, но решил подождать.

– Почему ты не доложил мне о результатах анализов? Почему не попросил помощи?

– Хм, я... я думал, что справлюсь и приму правильное решение.

Мрачная тишина накрыла нас, тишина боли и горя. Толстяк обнял Потса за плечи и сказал:

– Я знаю, как хреново тебе сейчас. На свете нет ничего хуже. Но пока ты хоть раз не ощутил это, ты не станешь хорошим врачом. Не казни себя. Стероиды, один черт, не помогают. Итак, теперь он в северном крыле отделения № 6? Вот что я вам скажу: раз уж мы сегодня спихнули столько пациентов, после завтрака я вам покажу электрическую койку для гомеров.

По пути к этой койке (чем бы она ни была) подавленный Потс сказал Чаку:

– Ты был прав, я должен был дать ему роидов. Теперь он точно умрет.

– Ни черта бы это не помогло, – ответил Чак. – Он уже был безнадежен.

– Мне так плохо! Мне нужен Отис.

– Что за Отис?

– Мой пес. Я хочу к своему псу.

Толстяк собрал нас вокруг электрокойки для гомеров, на которой лежал мой пациент, мистер Рокитанский. Толстяк объяснил, что основной задачей интерна является сведение количества своих пациентов к минимуму, что абсолютно противоречит тому, чего хотят частники, заведующие отделениями и администрация Дома. Но, поскольку согласно первому закону Божьего дома, ГОМЕРЫ НЕ УМИРАЮТ, они не покинут нас естественным путем. Поэтому единственный для терна способ избавиться от гомера – СПИХ. Однако здесь работал принцип бумеранга: всегда оставался риск возвращения. Например, гомер, СПИХНУТЫЙ В УРОЛОГИЮ по причине увеличенной простаты и задержки мочи, может вернуться в терапию после того, как терн из урологии с помощью своего обширного инструментария умудрится устроить ему септический шок, требующий в свою очередь лечения в терапии. Секретом идеального СПИХа без риска возвращения, по словам Толстяка, была ПОЛИРОВКА.

Мы спросили, что это значит.

– Это как полировать машину, – пояснил Толстяк. – Гомеров надо ОТПОЛИРОВАТЬ, чтобы, когда вы их СПИХНУЛИ, они уже не возвращались. Помните, вы не единственные, кто пытается СПИХНУТЬ. Все терны и все резиденты Божьего дома не спят ночами, думая, как бы

ОТПОЛИРОВАТЬ И СПИХНУТЬ всех этих гомеров кому-нибудь еще. Гат, резидент в хирургии, в данный момент наверняка учит своих тернов тому же самому: например, как устроить гомеру сердечный приступ и СПИХНУТЬ В ТЕРАПИЮ. Но я представлю вам гениальное изобретение, ключевой инструмент СПИХа: электрокойку для гомера. Я продемонстрирую ее возможности на примере мистера Рокитанского. Мистер Рэ, как вы сегодня себя чувствуете?

– КХРША.

– Хорошо. Сейчас мы отправимся в небольшое путешествие.

– КХРША.

– Отлично. Вы наверняка уже обратили внимание на то, что у этой койки есть поручни.

Но это не имеет значения. ЗАКОН НОМЕР ДВА, повторите за мной: ГОМЕРЫ СТРЕМЯТСЯ ВНИЗ.

Мы покорно повторили: «ГОМЕРЫ СТРЕМЯТСЯ ВНИЗ».

– Подняты поручни или опущены – абсолютно все равно. Не имеет значения, насколько хорошо вы привяжете гомера, насколько он слабоумен и насколько истощенным он кажется, потому что ГОМЕРЫ СТРЕМЯТСЯ ВНИЗ. Следующая особенность этой койки – вот эта педаль. У гомеров пониженное давление, и когда, как недавно у Ины, кровь не поступает к коре головного мозга, они слетают с катушек, кричат и СТРЕМЯТСЯ ВНИЗ. Если вам звонят среди ночи и сообщают, что у вашего гомера давление как у амёбы, сразу жмите на эту педаль. Это как дважды два. Ну ладно, Максин, для начала проверь его давление.

– Семьдесят на сорок.

– Отлично, – сказал Толстяк и нажал на педаль.

Электрокойка для гомеров заурчала и начала работать. Не прошло и тридцати секунд, как мистер Рокитанский оказался фактически перевернутым вверх ногами: голова у подножья койки, а ступни торчат сверху под углом в 45 градусов.

– Давление? Мистер Рокитанский, как поживаете?

Казалось, что когда Максин попыталась измерить давление на его почти вертикально торчащей руке, мистер Рокитанский чувствовал себя не очень. Но он все же изрек:

– КХРША.

Настоящий боец.

– Давление сто девяносто на сто, – доложила Максин.

– Это называется положение Тренделенбурга, – заявил Толстяк. – Так как большинство гомеров с трудом поддерживают давление, вам не часто придется менять это положение на противоположное.

Затем Толстяк показал нам, как поднять головной конец койки для пациентов с отеком легких и как поднимать ножной конец для предотвращения венозного застоя. Наконец, после того, как мы, казалось, сделали с койкой все возможное (кроме сворачивания в рулет с Рокитанским в качестве начинки), Толстяк радостно сказал:

– А самое важное я оставил напоследок. Вот эти кнопочки регулируют высоту. Вы готовы, мистер Рокитанский?

– КХРША.

– Отлично, потому что мы начинаем, – объявил Толстяк и нажал кнопку. Койка опустилась. Толстяк сообщил: – Эта кнопка позволяет двигать койку вверх, эта – вниз. Учитывая ЗАКОН НОМЕР ДВА, который гласит...

– ГОМЕРЫ СТРЕМЯТСЯ ВНИЗ», – автоматически произнесли мы.

– ...единственный способ сделать так, чтобы они себя не покалечили – положить матрасы на пол. Но медсестры против, потому что в таком случае им приходится ползать для того, чтобы подать или унести судно. Мы попробовали сделать так в прошлом году, но в итоге движение суден прекратилось, и отделение стало вонять как скотный двор в Топеке. Но неважно, сейчас мы двинемся вверх.

Толстяк крикнул «Поехали!», нажал кнопку, и Рокитанский начал плавно подниматься.

– Пылесосы, дамское белье, бытовые приборы, игрушки! – продекламировал Толстяк, когда Рокитанский был в полутора метрах над землей, поравнявшись со всеми нами. – Это – одна из самых важных позиций. Гомер, упавший с этой высоты, неминуемо получает меж-вертельный перелом бедра и автоматически СПИХИВАЕТСЯ ОРТОПЕДАМ. Эта высота, – резюмировал сияющий Толстяк, – называется «ортопедической». Но это полумера. А теперь – окончательное решение. – Толстяк вновь нажал на кнопку, и мистер Рокитанский вознесся над нашими головами. – Эта высота – «нейрохирургическая». Падение отсюда означает СПИХ В НЕЙРОХИРУРГИЮ. А оттуда они почти не возвращаются. Спасибо, господа. Встретимся после обеда.

– Погоди! – остановил его Леви, студент ЛМИ. – Это же жестокое обращение с мистером Рокитанским!

– Что ты имеешь в виду? Мистер Рокитанский, как поживаете?

– КХРША.

– Но он всегда так отвечает!

– Уверен? Мистер Рокитанский! Эй, там, наверху! Хотите сказать нам что-нибудь еще?

Мы ждали, затаив дыхание. С нейрохирургической высоты до нас донеслось:

– ДА.

– Что?

– ДЕРЖИ ВНИЗУВНИЗУВНИ...

– Господа, спасибо еще раз. Вы скоро выясните, что, если нажать кнопку «вниз», мистер Рокитанский спустится вниз. Все, обед.

– Он же, конечно, не всерьез? – промямлил Потс. – Никто не может быть таким садистом. Это он просто так извращенно пытался меня подбодрить.

– Боюсь, что всерьез, – сказал я. – Мне он показался очень серьезным.

– Это ужас! – простонал Потс. – Ты правда думаешь, что он хочет использовать койку, чтобы старики ломали ноги? Это же бред!

– Чак, а ты как считаешь?

– Кто знает, старик, кто знает.

Мы с Потсом обедали, глядя, как Толстяк закидывает еду в рот. Чак сегодня дежурил – и его вызвали, чтобы принять первого нового пациента. Потс мог говорить только о том, что надо было вдарить по Желтому Человеку стероидами, и о том, как же он хочет к Отису, к своему псу. Я же теперь был не столько испуган, сколько растерян – и очень озадачен представлениями Толстяка о заботе и оказании медицинских услуг. К нам подсели еще трое тернов из северного крыла отделения № 6. Гипер-Хупер и Эдди Глотай Мою Пыль с двух сторон поддерживали Коротышку, который выглядел таким же измочаленным, как и Потс. Чак уже видел его ранним утром и рассказывал о том, что тот был страшно перепуган: «Старик, он бегал с большой огромной бутылкой валиума и каждые несколько минут глотал по таблетке». С Коротышкой, Гарольдом Рантским, мы дружили на протяжении всех четырех лет студенчества в ЛМИ. Коренастое творение двух успешных психоаналитиков, он казался пропсихоанализированным насквозь. И хотя он был не глупее остальных на курсе, всегда выглядел каким-то пристыженным, был тихим и застенчивым, слабым и робким. Он не умел шутить, но смеялся над чужими шутками. У Коротышки были серьезные проблемы с личной жизнью. В общежитии он жил в одной комнате с главным сексуальным гигантом курса, который иногда разрешал Коротышке смотреть в замочную скважину на то, что он вытворял. В итоге сексуальная жизнь Коротышки свелась к общению с пикантными журналами и порнофильмами. Однако незадолго до начала интернатуры – после многочисленных проб и ошибок – у него все-таки завязались отношения с Джун, интеллектуалкой и поэтессой, писавшей асексуальные, бесчувственные и абсолютно безжизненные стихи.

Коротышка казался выжатым. Его усы обвисли. Он сел, достал пузырек, положил очередную таблетку на свой гамбургер и проглотил. Когда я спросил, что он выпил, он ответил:

– Валиум. Витамин V. Я в жизни так не боялся!

– Ты что, дежурил?

– Нет, дежурю сегодня. Вчера был Хупер.

Я спросил Хупера, как прошло дежурство. Его глаза заблестели так же, как во время рассказа Жемчужины о тайной аутопсии, он хихикнул и сказал:

– Супер, просто супер. Два трупа. Одна семья согласилась на аутопсию. Видел с утра своими глазами. Потрясающе!

– Тебе помогает валиум? – спросил Потс Коротышку.

– Я становлюсь несколько сонным, но зато непрошибаемым. Отличная вещь. Назначаю его всем пациентам.

– Что? – поразился я. – Ты всем даешь валиум?

– Почему бы и нет? Им же тоже страшно от мысли, что их док – я. Кстати, Потс, спасибо тебе за перевод Желтого Человека, – саркастически добавил Коротышка. – Превосходно!

– Прости, – пробормотал Потс. – Я должен был дать ему роидов. Судороги прекратились?

– Пока нет.

Мой пейджер запищал, призывая вернуться в отделение. Собираясь, я спросил Глотай Мою Пыль, как дела у него.

– Как дела? По сравнению с Калифорнией – полное говно.

Сестрички Рокитанского вызвали меня для отчета, я снова почувствовал себя молодцом. Их слуховые аппараты работали на полную мощность, они жаждали новых известий от «доктора их брата». Я ощущал себя хозяином положения и верил, что могу что-то сделать. Они ловили каждое мое слово. Когда мой пейджер снова запищал, они извинились, сказав, что понимают: у меня множество важных дел. Оставив их, я отправился на свой первый амбулаторный прием, чувствуя себя превосходно. Когда я вошел в лифт, люди смотрели на меня, пытались прочесть мое имя на бейдже, знали, что я – док. Я гордился своим стетоскопом, кровью на рукаве халата. «Толстяк просто перегорел», – думал я. Быть доком здорово. Ты можешь помочь людям. Они верят в тебя. Ты не можешь их подвести. Мистер Рокитанский поправится.

Самоуверенный, пребывающий в иллюзорном мире, где мозг мистера Рокитанского успешно восстанавливался, я явился в амбулаторию. Мы с Чаком вели прием в одни и те же дни и стояли рядом, пока нам объясняли, что нужно делать. По сути, мы будем работать как врачи общей практики, но пациентам не придется за это платить. За каждым из нас был закреплен кабинет, в котором надо будет раз в две недели вести прием. В конце инструктажа нам выдали по пачке визиток, и это стало отдельным поводом для гордости: «РОЙ Г. БАШ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ, АМБУЛАТОРИЯ БОЖЬЕГО ДОМА».

Светясь самодовольством и делая вид, что понимаю, что делаю, я начал прием. Амбулаторных пациентов, слишком бедных для того, чтобы позволить себе частника, можно было разделить на две категории: пятидесятилетние черные матери-одиночки с повышенным давлением и семидесятилетние еврейские СБОП с повышенным давлением. Мужчин практически не было, а вероятность увидеть кого-нибудь младше пятидесяти без венерических болезней или психических отклонений стремилась к нулю. Если бы такой пациент появился – о нем можно было бы писать статью в медицинский журнал. Первой моей пациенткой оказалась СБОП, которой нужен был общий осмотр, а также рецепт на новую искусственную грудь и лифчик с кармашками. Кто знал, как это выписать? Только не я. Она написала рецепт сама, я подписал, и она, благодарная, удалилась²³. Следующей была португалка, которая хотела,

²³ Если и преувеличение, то небольшое. Люди часто просят прописать им странные вещи в надежде, что страховая компания это оплатит. Что удивительно, иногда оплачивает.

чтобы я сделал что-нибудь с ее мозолями. Что я знал о мозолях? Я поразвлек себя мыслями о том, что можно было бы прописать ей искусственную ногу и супермягкие туфли с надувными стельками, но, вспомнив Толстяка, СПИХНУЛ ЕЕ ОРТОПЕДАМ. Следующей была СБОП семидесяти пяти лет с верхними веками, приклеенными ко лбу скотчем. Почитав ее историю болезни, я выяснил, что у нее было «опущение век по неизвестной причине», и предыдущий терн СПИХНУЛ ее офтальмологам, где резидент предложил на выбор скотч или операцию. Она выбрала скотч, после чего ее СПИХНУЛИ обратно в терапию.

- Я так люблю всех вас, молодых докторов! – заявила она.
- Как долго вы приклеиваете веки таким образом?
- Восемь лет. Как думаете, как долго еще мне придется это делать?
- А что происходит, когда вы снимаете скотч?
- Я не могу открыть глаза.

Я выписал ей рецепт на скотч. Она схватила меня за руку и защebetала о том, как же она счастлива, что я ее доктор. Мне было трудно сосредоточиться: из-за скотча ее глаза были страшно выпучены, и она походила на монстра из морских глубин. От потока ее откровений меня спасло появление медсестры со следующей пациенткой. Это была Мэй, мать-одиночка пятидесяти четырех лет с повышенным давлением. Ее единственной жалобой была боль в суставах во время игры с детьми в баскетбол, а единственной просьбой – вагинальный осмотр. Пока я проводил осмотр, она сидела в гинекологическом кресле и распевала псалмы Свидетелей Иеговы, а когда я закончил – оделась и, не переставая болтать о семье, религии и ее предыдущих тернах в Божьем доме, подбросила мне несколько религиозных брошюр. И ушла. Такие дамы обожали ходить по докторам. Я заглянул в кабинет к Чаку. У него на приеме тоже была СБОП, и Чак занимался какими-то странными манипуляциями с грудью пациентки и сантиметровой лентой.

- Понимаешь, старик, ей кажется, что ее грудь растет.
- Только одна?
- Правая. Ну вот я и решил измерить их и проверить, увеличится ли правая за две недели.

Вернувшись в отделение, я чувствовал себя великолепно. Я был воодушевлен, я был счастлив от того, что стал врачом. Я был лучшим во время учебы в ЛМИ, так что может мне помешать стать лучшим в Доме? Даже сам доктор Жемчужина уже успел поздравить меня с превосходной подготовкой его пациента к чистке кишечника. Чувствуя себя новым доктором Килдером²⁴, я устроился на солнышке у сестринского поста. В палате напротив я увидел Молли, красивую и веселую Молли, поправляющую простыни на койке. Она стояла, выпрямив ноги и нагнувшись – так, что ее мини-юбка почти не прикрывала бедра. Она потянулась к другому концу койки – и ее разноцветные трусики, прикрывающие складочку между крепких ягод и прячущееся за ними прекрасное естество, засияли радугой и рассыпались цветочками. Я почувствовал шевеление в брюках.

- Прямой наклон. – Это был Толстяк. Он уселся рядом и раскрыл свой журнал.
- Что?

– Маневр медсестер. Это когда они наклоняются, показывая попку. Называется «сестринский маневр прямого наклона туловища». Этому специально учат в школах медсестер. Кстати, каковы твои планы по СПИХИВАНИЮ Софи? Она тут хорошо устроилась и на этот раз будет опутцелена всерьез.

- Опутцелена?
- Ее частник – Боб Путцель, забыл? Он использует стандартную методику: госпитализируй СБОП, назначь тесты, проведи процедуру, которая приведет к осложнениям, сделай сле-

²⁴ Доктор Килдер – герой популярного сериала, идеальный интерн с голливудской улыбкой, успешно постигающий тонкости профессии и завоевывающий всеобщее уважение.

дующий тест для диагностики осложнений, получи следующее осложнение – и так до тех пор, пока она не гомеризуется и не станет **НЕСПИХИВАЕМОЙ**. Ты хочешь превратить эту милую СБОП в Ину Губер? Пресеки это в зародыше! Сделай что-нибудь прямо сейчас. Сделай так, чтобы она захотела выписаться!

– Но как?

– Назначь что-нибудь болезненное. Она этого не любит.

– Но я не могу ничего придумать.

– Ну... Например, у нее болит голова, а в середине дня температура тела слегка повышена. Не обращай внимания на то, что в отделении жара под 35 градусов, и температура повышена абсолютно у всех. Это неважно. Главное – ее история болезни уже **ОТПОЛИРОВАНА**, и повышение температуры на градус задокументировано. Да, а еще у нее еще напряжена шея. Итак, головная боль, напряженная шея и повышенная температура. Диагноз?

– Менингит.

– Процедура?

– Спинномозговая пункция. Но у нее же нет никакого менингита!

– А вдруг? Не сделаешь пункцию – можешь его пропустить, будет как у Потса с Желтым Человеком. И не бойся, что повредишь Софи. Она сильная, она выдержит. Возьми Молли в помощь.

Толстяк уставился в газету, а затем пробормотал:

– Промышленный индекс растет, детка. Отличное время для изобретения!

– Для чего?

– Для изобретения! Величайшего изобретения американской медицины!

Если при виде великолепной задницы с цветочками и радугой рос даже индекс промышленности, то как я мог не воодушевиться перспективой сделать пункцию? Молли никогда раньше не ассистировала при спинномозговой пункции, но была готова помочь. Вместе мы прошли в палату Софи. Леви, мой студент, сидел в палате, держал ее руку на манер Путцеля и пытался собрать анамнез. Он только начал:

– Что привело вас в больницу?

– Что привело? Доктор Путцель. В своем «континентале».

Я прервал Леви и проинструктировал Молли о том, в каком положении должна быть Софи: свернувшись в позу эмбриона, спиной ко мне. Когда она склонилась над Софи, обхватив ее колени и шею, руки Молли оказались раскинутыми, как у распятого Христа. Я заметил, что две верхних пуговички на ее гофрированной блузке расстегнуты, и мой взгляд оказался прикованным к ее великолепной груди, выпрыгивающей из тесного лифчика. Она заметила, куда я смотрю, и сказала, улыбаясь: «Начинай». Какой сумасшедший контраст между этими женщинами! Я боролся с желанием немедленно засунуть член прямо в эту соблазнительную ложбинку между грудями Молли. Тут в палату заглянул Потс и спросил, не знаем ли мы, где Библия.

– Библия? Для чего?

– Зарегистрировать смерть, – ответил Потс и исчез.

Я попытался вспомнить, как делать спинномозговую пункцию. В ЛМИ у меня это получалось особенно плохо, а у стариков дело еще и осложнялось тем, что межпозвоночные связки кальцифицировались и становились тверже окаменевшего мышинового дерьма. А тут был еще и жир. Жир – смерть для терна, он прячет все анатомические образования. Надев резиновые перчатки, я пытался нащупать у Софи межпозвоночное пространство, но сделать это было нереально. В какой-то момент мне показалось, что я его все-таки нашел, – и я ввел иглу. Софи вскрикнула и задергалась, я вел иглу глубже – и она завопила и забилась всем телом. Прическа Молли растрепалась, и каскад блестящих светлых волос рассыпался по старому и потному телу Софи. Я возбуждался каждый раз, когда видел ее вырез, и бесился, Леви что-то комментиро-

вал, а Софи кричала и билась от боли каждый раз, когда я пытался ввести иглу глубже. Я попытался найти на жирной спине Софи другую точку. Неудача. Еще раз. Ни хрена. Из-под иглы пошла кровь, а это означало, что я попал не туда. Куда же я попал? От пота мое лицо стало скользким, и очки упали на стерильное поле. В тот же момент Молли ослабила хватку, Софи развернулась стремительно, как пружина, и чуть было не УСТРЕМИЛАСЬ ВНИЗ с высоты чуть ниже ортопедической, но в последнюю секунду мы все-таки успели ее поймать. Я был покрыт потом, моя самоуверенность растворилась в нем без следа. Я велел Леви прекратить ухмыляться и позвать Толстяка. Тот вошел, моментально поставил Молли и Софи в нужную позицию и, напевая джингл из рекламы сосисок, одним отточенным движением прошел через все жировые слои и вошел в субдуральную полость. Я был потрясен его виртуозностью. Мы смотрели, как вытекает прозрачная спинномозговая жидкость. Толстяк отвел меня в сторону, на манер спортивного тренера приобнял за плечи и прошептал:

– Ты далеко ушел от позвоночника и попал либо в почку, либо в кишечник. Молись, чтобы это была почка. Если это кишечник, мы попадаем в Город инфекций, а Софи ждет финальный СПИХ в патологию.

– Патологию?

– Морг. Оттуда не возвращаются. Но, мне кажется, идея сработала. Послушай.

– Я ХОЧУ ДОМОЙ, ХОЧУ ДОМОЙ, ДОМОЙ...

Я был в ужасе при мысли о том, что спровоцировал инфекционный процесс, который окончательно уделает Софи. Недобрым знаком казалось и то, что в соседней палате Потс как раз разбирался со своим первым покойником. Его пациент, молодой отец, вчера игравший с сыном в бейсбол, умер. Потса позвали, чтобы официально зарегистрировать смерть. Мы заглянули в комнату. Потс стоял у койки, его студент держал Библию, на которую Потс возложил руку. Другая его рука была поднята и протянута в сторону тела; оно было белым, как собственно и положено телу покойника. Потс произнес:

– Властью, данной мне штатом и этой великой страной, объявляю тебя, Эллиот Реджинальд Нидлман, умершим.

Молли прижалась ко мне так, что я почувствовал ее грудь, и спросила: «Это что, обязательно?» Я сказал, что не знаю и уточнил у Толстяка. Он ответил: «Конечно нет. Единственное, что ты обязан сделать по закону государства и штата, – это положить две монетки из своего кошелька на глаза умершего».

Совершенно опустошенный, с красными от недосыпа глазами, Потс сидел с нами около поста медсестер. Еле ворочая языком, он пробормотал:

– Он мертв. Наверное, мне надо было отправить его на операцию раньше. Я обязан был что-то сделать! Но когда его привезли, я так умотался, что вообще не соображал!

– Ты сделал все что мог, – утешил его я. – У него лопнула аневризма, ничего бы его не спасло. Хирурги же отказались его брать.

– Да, они сказали, что уже слишком поздно. Но если бы я действовал быстрее...

– Хватит об этом, – прервал Толстяк. – Послушай меня, Потс. Есть закон, который ты должен выучить. ЗАКОН НОМЕР ЧЕТЫРЕ: ПАЦИЕНТ – ТОТ, У КОГО БОЛЕЗНЬ. Понятно?

Но прежде чем Потс успел что-либо понять, нас прервал шеф-резидент, Рыба. Лицо его было очень озабоченным. Как выяснилось, и Желтый Человек, и Нидлман были не пациентами частников, а пациентами Дома, и поэтому Рыба был за них в ответе.

– Болезни печени меня особенно интересуют, – заявил Рыба. – Я недавно имел возможность познакомиться с последними мировыми исследованиями, посвященными быстротекущему некротизирующему гепатиту. На самом деле, этот случай с Лазлоу может стать очень интересным исследовательским проектом. Возможно, кто-то из молодых сотрудников в определенный момент решит заняться этой работой?

Добровольцев не оказалось.

– В любом случае мы, и я, и Легго, считаем, что ты, Потс, слишком долго ждал с назначением стероидов. Ты меня понимаешь?

– Вы абсолютно правы, – потерянно согласился Потс. – Я понимаю.

– Я сейчас отправляюсь на импровизированный консилиум, посвященный случаю Лазлоу. Мы пригласили специалиста из Австралии, он мировая знаменитость и эксперт по этой болезни. Со стороны Дом в этой ситуации выглядит не очень-то хорошо. Вы ждали слишком долго. Да, и еще, – заявил Рыба, глядя на грязный халат и расстегнутую рубашку Чака, – вопрос внешнего вида, Чак. Это не слишком профессионально и неподобающе для Дома. Чистый халат и галстук завтра же. Ясно?

– Да, да, – сказал Чак.

– А ты, Рой, – сказал Рыба, кивая на только что зажженную мной сигарету, – наслаждайся, пока можешь, так как каждая сигарета отнимает три минуты твоей жизни.

Я едва сдерживал раздражение. Рыба свалил на свой консилиум. Болезненная тишина окутала нас. Толстяк нарушил ее, сплюнув:

– Урод! Теперь послушай меня, Потс, если ты хочешь стать таким же дерьмом, то верь ему. Если нет, то слушай меня: ПАЦИЕНТ – ТОТ, У КОГО БОЛЕЗНЬ.

– Ты серьезно собираешься одеться прилично? – спросил я Чака.

– Конечно, нет, старик, конечно, нет. В Мемфисе мы не надеваем галстуков даже на похоронах. Старик, эти гомеры – что-то. Ни один из четырех поступивших пациентов не поверил, что я их доктор. Они думают, что я сутенер.

– Сутенер?

– Сутенер, сутенер. Цветной сутенер.

Уставившись в окно, Потс бормотал что-то о том, что должен был дать Желтому Человеку роиды, но Толстяк прервал его, приказав:

– Потс, отправляйся домой.

– Домой? В Чарльстон? Знаешь, мой брат занимается строительством и сейчас, наверное, лежит в гамаке на пляже, потягивая коктейль. Или сидит на плантации, среди цветов и прохлады. Я не должен был уезжать. Рыба говорит правильные вещи, но если бы мы были на юге, он бы не говорил так. Не таким тоном. Моя мама называет таких «мужланами». Но я же все-таки я сделал выбор? Что ж, я пойду домой. Слава богу, там Отис.

– А где жена?

– На дежурстве в ЛБЧ. Со мной будет только Отис. Это хорошо, он меня любит. Он будет лежать лапами вверх и храпеть. Как хорошо пойти наконец-то к нему, домой. До завтра.

Мы смотрели, как он, спотыкаясь, шел по коридору. Он прошел мимо палаты Желтого Человека, где шел консилиум, и постарался проскользнуть к выходу незамеченным.

– Это безумие! – сказал я Толстяку. – Я ждал от интернатуры совсем другого. Что мы в конце концов делаем для этих людей? Либо они умирают, либо мы их ПОЛИРУЕМ и СПИХИВАЕМ другим резидентам.

– Не безумие, а современная медицина.

– Я не могу в это поверить!

– Конечно, не можешь. Ты был бы ненормальным, если бы сразу поверил. Но это всего лишь второй твой день. Подожди до завтра, мы будем дежурить вместе. А пока молись, чтобы промышленный индекс не падал, Баш, молись, чтобы этот ублюдок остался на высоте.

Да кому какое дело!

Я покончил с работой и направился к выходу. Народ, толпившийся у палаты Желтого Человека вокруг австралийского эксперта, расступился, и оттуда выкатился Коротышка. Он выглядел еще хуже, чем за обедом. Я спросил, что происходит.

– Австралиец сказал, что надо попробовать замену плазмы. Это когда выкачиваешь старую кровь и закачиваешь новую.

– Это же никогда не работает! Новая кровь в любом случае проходит через печень, а она полностью выключена. Он умирает.

– Да, он сказал то же самое, но поскольку пациент молод и еще вчера еще ходил и разговаривал, они хотят попытаться. Они хотят, чтобы я это сделал это сегодня вечером. Я боюсь до смерти.

Из палаты доносились крики. Желтый Человек бился в конвульсиях, как огромный тунец на крючке. Мимо нас прошел уборщик, толкающий перед собой тележку, заваленную грязным бельем, робами, вещами из операционной и огромными полиэтиленовыми пакетами с надписью: «ОПАСНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ». Старшая сестра сообщила Коротышке, что кровь для Лазлоу будет готова через полчаса и что только одна медсестра согласилась ему помочь – остальные отказались из-за боязни уколиться и подхватить смертельную инфекцию. Коротышка посмотрел на меня с ужасом в глазах, положил голову мне на плечо и заплакал. Уборщик, насвистывая, удалялся по коридору. Я не знал, что делать. Я бы вызвался помочь с заменой плазмы, но я ужасно боялся подхватить эту гадость, которая всего за один день превращает болтающего и флиртующего человека в тунца, бьющегося на крючке.

– Сделай доброе дело, – попросил Коротышка. – Если я умру, возьми деньги с моего счета и пожертвуй их ЛМИ. Учредите фонд и пообещайте награду первому студенту, который осознает безумие всего этого и согласится сменить специальность.

Я помог ему облачиться в стерильные причиндалы: завязать халат, надеть перчатки, маску и шапочку. Он неловко и осторожно, как астронавт, вошел в палату, стараясь ничего не задеть, подошел к койке и приступил к процедуре. Пакеты со свежей кровью прибывали. Чувствуя ком в горле, я направился к выходу. Крики, запахи, чудовищные образы пролетали через мой мозг, как пули. Хоть я и не прикасался к Желтому Человеку, я направился в туалет и как следует простерилизовал руки. Я чувствовал себя ужасно. Мне нравился Коротышка, который сейчас мог оцарапать себя зараженной иглой и заболеть разрывающим печень гепатитом, пожелтеть, биться в конвульсиях, как рыба на крючке, и в итоге умереть. И ради чего?

Я сидел словно в аквариуме, за толстым стеклом, отделяющим меня от мира, разговаривал с Берри и читал очередное письмо от отца:

«Теперь ты уже не новичок, и работа должна казаться рутинной. Тебе нужно еще столько узнать, и ты потихоньку разберешься. Врач – великая профессия, и это счастье – излечить ближнего. Я вчера прошел восемнадцать лунок на жаре, и это стало возможным, только благодаря галлону воды и трем ударам на лунке номер...»

В отличие от отца, Берри пыталась не сохранить мои иллюзии по части медицины, а понять, что я чувствую сейчас. Она спросила меня, на что все это было похоже, но я не смог описать, так как понял, что «это» не похоже вообще ни на что.

– Что же делает все это таким ужасным? Усталость?

– Нет. Мне кажется, это гомеры и этот Толстяк.

– Расскажи мне об этом, милый.

Я объяснил ей, что не могу понять, безумно ли то, чему нас учит Толстяк. Чем больше я смотрю вокруг, тем больше смысла вижу в том, что он говорит. И уже чувствую себя сумасшедшим – потому, что считал сумасшедшим его. Для примера я рассказал ей о том, как мы смеялись над Иной в ее футбольном шлеме, избивающей Потса сумочкой.

– Мне представляется, что называть стариков «гомерами» – это психологическая защита.

– Это не просто старики! Толстяк говорит, что любит стариков, и я ему верю, он только что не плачет, рассказывая о своей бабушке и тefтелях из мацы, которые они едят на лестнице, соскребая остатки супа с потолка.

– Смеяться над Иной – ненормально.

– Сейчас это действительно кажется ненормальным. Но не тогда.

– Почему же ты смеялся над ней тогда?

- Я не могу объяснить. Это казалось дико смешным.
- Я пытаюсь понять. Объясни!
- Нет, я не могу.
- Рой, попробуй разобраться со всем этим. Ну же, давай!
- Нет, я не хочу больше думать об этом сейчас.

Я ушел в себя. Она начала беситься. Она не понимала, что все, в чем я нуждаюсь сейчас, – это забота. Все изменилось слишком быстро. Всего два дня – но меня как будто уносит бурным потоком реки, и мой бывший берег уже на расстоянии вечности. И между нами – пропасть. Еще вчера мы с Берри жили в одном мире, за пределами Божьего дома. Теперь мой мир был там – мир, где были Коротышка и Желтый Человек, покрытые кровью; где у молодого отца, моего ровесника, на первой базе лопнула аневризма; где были частники, лизоблюды и гомеры. И Молли. Молли знала, кто такие гомеры и почему мы смеемся над ними. Мы с Молли пока еще не разговаривали. Были только прямые наклоны, вырезы и округлости, красные ногти и голубые веки, трусики с цветочками и сияние радуги и смех среди гомеров и умирающих. Молли была обещанием соприкосновений груди с рукой, Молли была спасительным убежищем.

Но в то же время Молли была и бегством от всего того, что я любил. Я не хотел смеяться над пациентами. Если все настолько безнадежно, как утверждает Толстяк, мне лучше сдать прямо сейчас. Мне не нравился этот разлад с Берри, и я думал, что если Толстяк и вправду чокнутый, а я поверю ему – то потеряю Берри. И я примирительно сказал: «Ты права. Это действительно ненормально, смеяться над стариками. Прости меня». В ту же секунду я представил себя настоящим врачом, спасающим жизни, и то, как мы с Берри вздыхаем и обнимаемся, и раздеваемся, и сплетаемся воедино, и предаемся любви – тесной, теплой и мокрой, и эта пропасть между нами затягивается.

Она спала. А я лежал без сна, в ужасе ожидая своего первого дежурства.

4

Когда я разбудил Чака следующим утром, он выглядел абсолютно разбитым. Его прическа в стиле афро сбилась на бок, на лице отпечаталась мятая наволочка, один глаз покраснел, а другой – опух и не открывался.

- Что с твоим глазом?
- Укус клопа. Долбанный клопный укус! Прямо в глаз! В этой дежурке полно свирепых клопов!
- Другой глаз также выглядит не очень.
- Старик, это ты его вчера не видел. Я звонил уборщикам, чтобы принесли свежее белье, но ты же знаешь, каково здесь. Я тоже вечно не отвечаю на звонки, но этим можно было бы с тем же успехом слать открытки по почте. Я думаю, есть только один способ добиться чего-то от уборщиков.

– Какой же?

– Любовь. Их главную зовут Хэйзел. Огромная женщина с Кубы. Я уверен, что смогу ее полюбить.

Во время разбора карточек Потс поинтересовался у Чака, как прошло его дежурство.

- Прелестно. Шесть поступлений, самому молодому семьдесят четыре.
- Во сколько же ты лег?
- Около полуночи.

Потрясенный Потс спросил:

- Как? Как ты вообще успел написать истории болезни?
- Как? Естественно, дерьмово. Дерьмовая работа.

– Еще одна ключевая идея, – добавил Толстяк. – Важно понимать, что работа, которую ты делаешь, – дерьмовая. Тогда ты с этим смиряешься, просто идешь и делаешь ее, вот и все. Главное – делать. А поскольку считается, что у нас тут одна из лучших интернатур мира, в итоге окажется, что работа была что надо, просто отличная работа. Не забывайте, что четверо из десяти тернов в Америке вообще не говорят по-английски²⁵.

– То есть все было не очень плохо? – с надеждой спросил я Чака.

– Плохо? О нет, это было ужасно. Старик, прошлой ночью меня поимели.

На самом деле еще худшим предвестником ожидающего меня кошмара оказался Коротышка. Когда я утром вошел в Дом, опустошенный самим фактом перехода из солнечного и бушующего красками июля в тусклый неоновый свет и круглогодичную вонь отделения, мой путь проходил мимо палаты Желтого Человека. Снаружи стояло два мешка с надписью: «ОПАСНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ», заполненных окровавленными хирургическими формами, масками, простынями и полотенцами. Палата была залита кровью. Медсестра, похожая на космонавта в своем костюме химзащиты, уселась как можно дальше от Желтого Человека и читала журнал «Лучшие дома и сады». Желтый Человек был неподвижен, абсолютно неподвижен. Коротышки нигде не было видно.

Увидел я его только во время обеда. Он был пепельно-серым. Эдди Глотай Мою Пыль и Гипер-Хупер тащили его за собой как собачку на поводке. На подносе Коротышки, кроме столовых приборов, не было ничего. Никто ему об этом не сказал.

– Я умру, – заявил Коротышка, доставая пузырек с таблетками.

– Ты не умрешь, – сказал Хупер. – Ты будешь жить вечно.

Коротышка рассказал нам про замену плазмы, о заборе крови из одной вены и вливании ее в другую:

– Все шло вроде бы неплохо, и я уже вынул иглу из его паха и собирался вставить в последний пакет с кровью, когда медсестра, эта идиотка Селия... Она в это время вынула из его живота другую иглу, и она... Короче, она ткнула меня в руку.

Его рассказ был встречен молчанием. Коротышка умрет.

– Тогда я почувствовал, что теряю сознание. Я увидел, как вся моя жизнь проходит перед глазами. А Селия сказала «ой, извини», а я сказал, что ничего страшного, это всего-навсего значит, что теперь я умру. Ну, Желтяку-Добряку двадцать один, и я уже прожил на шесть лет дольше него, и в последнюю ночь своей жизни занимался абсолютно идиотскими вещами и знал, что от этого не будет никакого толка, и мы теперь умрем вместе, и он, и я, но «ерунда, Селия, ничего страшного». – Коротышка остановился, но затем заорал: – ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, СЕЛИЯ? Все нормально! Я пошел спать в четыре утра, и я не думал, что проснусь.

– Но инкубационный период от четырех до шести месяцев!

– И? Через шесть месяцев один из вас будет делать мне замену плазмы.

– Это все я виноват, – сказал Потс. – Я должен был вдарить по нему роидами.

После того, как все разошлись, Коротышка сказал, что он должен кое в чем признаться.

– Понимаешь, этот Желтый Человек должен был стать моим третьим поступлением. Он пришел в неотложку во время всего этого бардака. Я не мог этого вынести. Я предложил ему пятерку за то, что он просто уйдет домой. Он взял деньги и ушел.

Мой страх, казалось, подгонял стрелки часов. И вот время, когда меня оставили на дежурстве одного, настало. Потс передал мне своих пациентов и отправился домой, к Отису. Испуганный, я в одиночестве сидел у поста медсестер, глядя, как умирает грустное солнце. Я думал о Берри и мечтал быть рядом с ней и заниматься с ней тем, что молодые люди – такие, как мы, – должны делать до тех пор, пока позволяет здоровье. Мой страх рос как на дрожжах. Чак подошел, сообщил о состоянии своих пациентах и спросил:

²⁵ Количество врачей-иностранцев в США растет вместе с ростом стоимости американского медицинского образования.

– Эй, старичок, заметил кое-что необычное?

Я не заметил.

– Мой пейджер. Он выключен. Теперь они меня не достанут!

Я видел, как он удаляется по длинному коридору. Я хотел позвать его, попросить: «Не уходи, не оставляй меня здесь одного», – но я не стал этого делать. Мне было так одиноко! И хотелось разрыдаться. Днем, когда я начинал психовать на тему предстоящего дежурства, Толстяк пытался подбодрить меня, говоря, что мне повезло оказаться с ним в одну смену.

– К тому же сегодня будет великая ночь, – сказал он. – «Волшебник страны Оз» и блинчики!

– Волшебник страны Оз? Блинчики? – переспросил я. – О чем ты?

– Ты что, не помнишь? Торнадо, дорога из желтого кирпича, великолепный Железный Дровосек, пытающийся забраться к Дороти под юбку. Шикарный фильм. А на поздний ужин, в десять, будут блинчики. Устроим вечеринку.

Это меня не спасло. Я разбирался с бардаком в отделении, пытался уговорить накачанную физраствором и потому особенно злобную Ину Губер, ухаживал за Софи: ее лихорадило, и она была настолько не в себе, что даже напала на доктора Путцеля. Я ужасно боялся, что что-то произойдет. А когда оно произошло – чуть не задохнулся. Я сидел в туалете, и в эту минуту оператор пейджинговой службы, сидевший в своей комнатке шестью пролетами ниже, нанес мне удар под дых:

«ДОКТОР БАШ, ПОЗВОНИТЕ В ПРИЕМНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ, ДОКТОР БАШ...»

Там кто-то умирал, и они требовали меня? Они что, не знают, что пациентам нельзя появляться в обучающей больнице в первую неделю июля? Они не увидят «доктора», они увидят меня. А что я могу сделать? Я был в истерике, сердце пыталось выпрыгнуть из груди, а в голове снова крутился Зловещий Гробовщик. Я отправился на поиски Толстяка. Он сидел в комнате отдыха, погруженный в «Волшебника страны Оз», жевал колбасу и самозабвенно подпевал героям фильма, идущим по дороге из желтого кирпича навстречу чудесам.

Оторвать его от телевизора оказалось непросто. Я был удивлен, что циничному Толстяку мог нравиться столь наивный и невинный «Волшебник страны Оз», но вскоре выяснилось, что, как и во многих других случаях, интерес его носил сугубо извращенный характер.

– Сделай это, – бормотал Толстяк, – сделай это с Дороти на пару с жестянкой! Натяни ее, Рэй²⁶, ну давай!

– Я должен тебе что-то сказать.

– Валяй.

– Там новая пациентка в приемнике.

– Ну что ж, пойди и осмотри ее. Ты теперь врач, забыл? Врачи осматривают пациентов. Ну же, Рэй, сделай с ней это, **БЫСТРО!**

– Я знаю, – пискнул я. – Но там же кто-то, наверное, при смерти, а я...

Толстяк оторвался от телевизора, посмотрел на меня и мягко сказал:

– Понятно. Струсил, да?

Я кивнул и рассказал, что все, о чем я могу думать, – это идиотский Зловещий Гробовщик.

– Да. Понятно. Значит, ты напуган. Ну а кто не напуган в первую ночь на дежурстве?! Я тоже был в ужасе. До ужина всего полчаса. Из какой она богадельни?

– Не знаю, – сказал я, направляясь к лифту.

²⁶ Рэй Болджер, исполнитель роли Страшилы.

– Не знаешь? Черт! Они же уже наверняка продали ее место в богадельне, так что нам не удастся СПИХНУТЬ ее обратно. Когда богадельня продает место гомерессы – это реально экстренная ситуация.

– Откуда ты знаешь, что это гомересса?

– Шансы. Просто прикидываю шансы.

Двери лифта распахнулись, и мы увидели интерна из северного крыла отделения № 6, Эдди Глотай Мою Пыль, толкающего каталку со своим первым поступлением. Три сотни фунтов обнаженной (не считая грязного белья) плоти; огромные грыжи на животе; гигантская голова с маленькими ямками глаз, рта и носа; бритый череп, весь в шрамах от нейрохирургических операций, выглядевший как банка собачьих консервов. И все это еще и билось в конвульсиях.

– Рой, – сказал Глотай Мою Пыль. – Познакомься с Максом.

– Привет, Макс, – сказал я.

– ПРИВЕТ ДЖОН ПРИВЕТ ДЖОН ПРИВЕТ ДЖОН, – ответил Макс.

– Макс повторяется. У него была лоботомия.

– Болезнь Паркинсона в течение шестидесяти трех лет, – прокомментировал Толстяк. – Рекорд Дома. Макса привозят с непроходимостью. Видите эти грыжи с выпирающими кишками?

Мы видели.

– Если сделать рентген, вы увидите, что он набит дерьмом. В прошлый раз на то, чтобы его вычистить, ушло девять недель. И это удалось лишь благодаря маленькой ручке японской виолончелистки, по совместительству – студентки ЛМИ. Ей дали специальные особо прочные перчатки и пообещали, что если она сделает ручную раскупорку, то получит любую интернатуру. Хотите услышать «ИСПРАВЬ ГРЫЖУ»?

Мы хотели.

– Макс, – сказал Толстяк. – Что ты хочешь, чтобы мы сделали?

– ИСПРАВЬ ГРЫЖУ ИСПРАВЬ ГРЫЖУ ИСПРАВЬ ГРЫЖУ, – ответил Макс.

Глотай Мою Пыль и его студент поднажали, и каталка с Максом, набирая скорость, отправилась к неоновому закату. Казалось, что их упряжка поднимается на гору, в чистилище. По пути в приемное отделение я более-менее пришел в себя и спросил у Толстяка, откуда он знает всех этих пациентов: Ину, Макса, мистера Рокитанского...

– Количество гомеров, попадающих в Дом, конечно, – пояснил Толстяк, – а так как ГОМЕРЫ НЕ УМИРАЮТ, они ходят по кругу Дом – богадельня – Дом по нескольку раз в год. Иногда мне кажется, что им, так же как и нам, в июле выдают расписание на год. Ты научишься различать их по крикам. Так, ну и что там с твоей гомерессой?

– Не знаю. Я еще ее не видел.

– Это неважно. Выбери орган. Любой.

Я молчал. Был настолько испуган, что все органы вылетели у меня из головы.

– Да что с тобой? Где они тебя нашли? По квоте? Теперь появилась квота на евреев? Что находится за грудиной и бьется?

– Сердце.

– Отлично. У нее застойная сердечная недостаточность. Что еще?

– Легкие.

– Прекрасно. Теперь ты начал думать. Пневмония. У нее пневмония и сердечная недостаточность, сепсис от постоянного мочевого катетера, она отказывается есть, хочет умереть, она слабоумна, а давление у нее настолько низкое, что ты не сможешь его измерить. Что надо сделать в первую очередь? Что самое главное?

Я подумал о септическом шоке и предложил спинномозговую пункцию.

– Нет. Так учат в книжках. Забудь о них. Теперь я – твой учебник. Ничего из того, что ты вбил в свою голову в ЛМИ, тебе не поможет. Послушай, ПЯТЫЙ ЗАКОН: ПЕРВЫМ ДЕЛОМ РАЗМЕЩЕНИЕ.

– Слушай, а это не перебор? Seriously, ты делаешь эти допущения, даже не увидев пациентку? И рассуждаешь о ней, как о чемодане, а не человеке.

– Да?! Я злой, жестокий и циничный, так?! Я не сочувствую больным? Так вот, я им сочувствую. Я плачу в кино. Я отпраздновал двадцать семь Песахов с самой нежной бабушкой на свете, такой, о которой бруклинский мальчик может только мечтать. Но гомересса в Божьем доме – она из другой реальности. Сегодня ночью ты поймешь это сам.

Мы стояли у сестринского поста приемного отделения. Там было еще несколько человек: Говард Гринспун, который сегодня дежурил здесь, и двое полицейских. Я знал Говарда по ЛМИ. Он был счастливым обладателем двух особенностей, оказавшихся очень полезными в медицине: он в упор не видел своих недостатков и плевал на окружающих. Не отличаясь большим умом, Говард прошел учебу в ЛМИ и практику в Доме, занимаясь какими-то исследованиями мочи: то ли он прогонял мочу через компьютер, то ли заставлял компьютер работать на моче. Это и сблизило его с другим любителем мочи, Легго. Хитрец и интриган, Говард также начал использовать компьютерные возможности для принятия решений в терапии. К началу интернатуры у него уже сформировался особый подход к пациентам, способный замаскировать его нерешительность. Говард попытался рассказать нам о пациенте, но Толстяк проигнорировал его и обратился к полицейским. Один из них был огромным, бочкообразным, с жирным красным лицом, заросшим рыжей бородой. Второй – худым как спичка, угловатым, бледнолицым и темноволосым, с острыми глазами и большим нервным ртом, заполненным торчащими во все стороны зубами.

– Я сержант Гилхейни, – представился бочкообразный, – Финтон Гилхейни. А это – офицер Квик. Доктор Рой Г. Баш, привет тебе и шалом.

– Вы не похожи на евреев.

– Не надо быть евреем, чтобы любить горячие бэйглы. К тому же евреи и ирландцы сходятся в главном.

– Это в чем же?

– Почитают семейные ценности и устраивают из своей жизни дурдом.

Говард, взбешенный тем, что его игнорируют, вновь попытался рассказать про пациентку. Толстяк заставил его заткнуться.

– Но вы же ничего о ней не знаете, – запротестовал Говард.

– Скажи мне, как она кричит, и я расскажу тебе о ней все.

– Как она... что?

– Она кричит? Визжит? Какие конкретно звуки она издает?

– Э... Она действительно визжит. Она визжит «РУДУДЛ».

– Анна О. – сказал Толстяк. – «Еврейский Дом Неизлечимых». Это ее приблизительно восемьдесят шестое поступление сюда. Начни со ста шестидесяти миллиграмм диуретика, и посмотрим, что будет.

– Откуда ты знаешь? – поразился Говард.

Продолжая его игнорировать, Толстяк обратился к полицейским:

– Очевидно, что Говард не сделал самого главного, смею ли я надеяться, господа, что это сделали вы?

– Хотя мы всего лишь скромные полицейские, которые патрулируют город в районе Дома, нам часто доводится беседовать и пить кофе с гениальными молодыми врачами, и в итоге мы знаем, что нужно делать, когда речь идет об экстренной помощи, и способны принять правильное с точки зрения медицины решение, – сказал Гилхейни.

– Мы люди закона, – добавил Квик. – И мы следуем ЗАКОНУ НОМЕР ПЯТЬ: ПЕРВЫМ ДЕЛОМ РАЗМЕЩЕНИЕ. Мы сразу же позвонили в «Еврейский дом неизлечимых», но, увы, койку Анны О. уже заняли.

– Жаль, – сказал Толстяк. – Ну, что ж, зато она отлично подходит для обучающих целей. На ней уже научилось медицине бесчисленное множество интернов Дома. Рой, иди осмотри ее. У нас двадцать минут до ужина. Я пока поболтаю с нашими друзьями-копами.

– Прекрасно! – сказал рыжий с широкой ухмылкой. – Двадцать минут общения с Толстяком – дареный конь, у которого мы осмотрим все, кроме зубов.

Я спросил у Гилхейни, откуда им с Квиком известно о принятии правильных с точки зрения медицины решений, и его ответ меня озадачил:

– Полицейские мы или нет?

Я оставил Толстяка и полицейских: они оживленно болтали, склонившись друг к другу. Дойдя до палаты № 116, я снова почувствовал себя одиноким и очень напуганным. Глубоко вздохнув, я вошел. Стены палаты были покрыты зеленым кафелем, неоновый свет мерцал на никелированных поверхностях медицинского оборудования. Казалось, что я оказался в могиле: я не сомневался, что в этой комнате я каким-то образом соприкасаюсь со смертью. В центре палаты стояла каталка, на ней – Анна О. Она была неподвижна, а ее странная напряженная поза напоминала букву «W»: колени расставлены, спина согнута так, что голова почти упирается в бедра... Была ли она жива? Я окликнул ее. Никакого ответа. Я пощупал пульс. Отсутствует. Сердцебиение? Нет. Дыхание? Нет. Она умерла. Какая ирония! После смерти ее тело стало напоминать ее выдающийся еврейский нос. Что я почувствовал? Облегчение. Ведь забота о ней теперь не висела на моей шее. Я посмотрел на ее тонкие седые волосы, собранные в пучок. Такой же был и у моей бабушки в день ее похорон. И тут горечь утраты захлестнула меня. Я ощутил в груди ком, который медленно поднимался к горлу. Почувствовал то странное тепло, которое становится предвестником слез. Мои губы задрожали. Мне пришлось сесть, чтобы хоть немного прийти в себя.

Толстяк ворвался в палату:

– Давай, Баш, блинчики и... Да что с тобой?

– Она умерла.

– Кто умер?

– Эта несчастная, Анна О.

– Лабуда. Ты что, сошел с ума?

Я ничего не ответил. Возможно, я действительно сошел с ума, а полицейские и гомеры были всего лишь галлюцинацией. Почувствовав мое состояние, Толстяк присел рядом:

– Эй, я когда-нибудь обращался с тобой неподобающе?

– Ты слишком циничен, но все, что ты говоришь, в итоге оказывается правдой. Даже если это звучит безумием.

– Вот именно. Так что слушай меня, и я скажу тебе, когда плакать, потому что во время твоей тернатуры у тебя будет множество поводов для слез. И если ты не будешь плакать, то попросту спрыгнешь с крыши, и то, что от тебя останется, соскребут с асфальта парковки и погрузят в труповозку. Ты станешь пластиковым пакетом с месивом. Понял?

Я сказал, что да.

– Но сейчас я говорю тебе: еще не время. Поскольку Анна О. – настоящая гомересса. Она живет по ЗАКОНУ НОМЕР ОДИН: ГОМЕРЫ НЕ УМИРАЮТ.

– Но она мертва. Взгляни на нее!

– Ну да, она выглядит мертвой, тут я с тобой соглашусь.

– Она мертва! Я звал ее, я проверил пульс и дыхание. Ничего. Труп.

– Просто к Анне нужно применить принцип перевернутого стетоскопа.

Толстяк достал свой стетоскоп, засунул наушники в уши Анны О., а затем, используя головку, как микрофон, заорал: «Улитка, прием! Улитка, прием, как слышно, прием...»²⁷

Комната внезапно взорвалась. Анна О. взлетела в воздух и приземлилась обратно на каталку, истошно вопя на высоких частотах:

– РРРУУУУУДЛ! РРРУУУУУДЛ!

Толстяк цапнул стетоскоп, схватил меня за руку и вытащил из палаты. Крики Анны эхом разносились по всему отделению, и Говард с ужасом смотрел на нас. Увидев его, Толстяк закричал: «Остановка сердца! Палата 116!» Говард подпрыгнул и понесся, а Толстяк, смеясь, потащил меня к лифту – и мы направились в кафетерий.

Сияя, Толстяк сказал:

– Повторяй за мной: ГОМЕРЫ НЕ УМИРАЮТ.

– ГОМЕРЫ НЕ УМИРАЮТ.

– Пойдем, поедим.

На свете не так много вещей, которые столь же отвратительны, как Толстяк, глотающий блинчики и безостановочно говорящий обо всем подряд, от порнографических мотивов в «Волшебнике страны Оз» до достоинств той ужасной пищи, которую мы ели, а потом, когда мы остались наедине, – еще и о том, что он называл величайшим изобретением американской медицины. Я отвлекся, и вскоре мои мысли ускользнули на июньский пляж, где я был вместе с Берри, где нас обоих переполнял восторг разделенной любви. Английские ландшафты, глаза смотрят в глаза, морская соль на ласкающих губах...

– Баш, перестань. Если останешься там еще ненадолго, то потом рехнешься, вернувшись в эту помойку.

Как он узнал? Что они сделали со мной, столкнув с этим психом?

– Я не псих, – сказал Толстяк. – Просто я говорю вслух о том, что любой другой док чувствует, но запикивает глубоко в себя, и это в итоге съедает его изнутри. В интернатуре я похудел. Я-то! Поэтому я сказал себе: «Не гробь свой желудок, Толстяк, не за такую зарплату». И все, и никакой язвы. И вот я такой, каков есть.

Наевшись, он подобрел и продолжил:

– Пойми, Рой, у этих гомеров есть потрясающий талант – они учат нас медицине. Мы с тобой сейчас пойдем обратно к Анне О., и она за час научит тебя большему количеству нужных вещей, чем молодой и смертный пациент – за неделю. ЗАКОН НОМЕР ШЕСТЬ: В ОРГАНИЗМЕ НЕТ ПОЛОСТИ, В КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ПРОНИКНУТЬ С ПОМОЩЬЮ ТВЕРДОЙ РУКИ И ИГЛЫ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО РАЗМЕРА. Ты будешь учиться на гомерах, а потом, когда какой-нибудь молодой пациент придет сюда умирать... – мое сердце екнуло, – ...ты уже будешь знать, что делать, сделаешь это хорошо и спасешь его. Это потрясающее чувство. Подожди, пока не почувствуешь радость плевральной биопсии вслепую, не поставишь диагноз и не спасешь молодую жизнь. Это просто фантастика. Пойдем.

И мы пошли. Под руководством Толстяка я научился делать плевральную пункцию, пункцию сустава и кучу других процедур. Он был прав. У меня все получалось, уверенность росла, я чувствовал себя отлично и поверил, что, может быть, я и впрямь стану неплохим доком. Страх начал покидать меня, и вдруг глубоко внутри я почувствовал пробуждающееся возбуждение, радость, интерес.

– Отлично, – сказал Толстяк. – Хватит диагностики. Теперь лечение. Что мы даем при сердечной недостаточности? Сколько миллиграмм лазикса?

Кто бы знал. В ЛМИ нас не учили таким вещам.

– ЗАКОН НОМЕР СЕМЬ: ВОЗРАСТ + УРОВЕНЬ МОЧЕВИНЫ = ДОЗА ЛАЗИКСА.

²⁷ Улитка – слуховая часть внутреннего уха.

Что за ерунда? Хотя уровень мочевины и является косвенным маркером сердечной недостаточности, но я был уверен, что Толстяк опять издевается, и поэтому заявил: «Это какая-то чушь!»

– Конечно, чушь. Но зато всегда срабатывает. Анне девяносто пять лет, уровень мочевины – восемьдесят. Итого сто семьдесят пять миллиграмм. Добавим двадцать пять, на вырост, и получится ровно двести. Нет, ты делай, как знаешь, но мочиться она начнет только на ста семидесяти пяти. И Баш, ОТПОЛИРУЙ ее историю болезни, не забудь. Законники – гнусные люди, так что история должна сиять.

– Хорошо, – сказал я. – Советуешь ли ты для начала разобраться с сердечной недостаточностью или сразу начать полное обследование кишечника?

– Обследование кишечника? С ума сошел?! Она же пациентка не от частника, а твоя, личная. Никакого обследования кишечника.

Счастливым и благодарным за то, что этот кудесник от медицины поддержал меня, я спросил:

– Толстяк, знаешь, кто ты?

– Кто?

– Ты великий американец!

– Конечно! А если повезет, то вскоре буду еще и богатым. Так, все, Толстяку пора баиньки. Запомни, Рой: *primum non nocere*²⁸ И *hasta la vista*²⁹, ублюдок!

Конечно же, он оказался прав. Я ОТПОЛИРОВАЛ историю болезни, написал анамнез, попробовал дать Анне О. небольшую дозу лазикса, но ничего не произошло. Я сидел на сестринском посту, со всех сторон доносились клокотание гомеров и писк аккомпанирующих им кардиомониторов. Звуки складывались в колыбельную:

БИП БИП ИСПРАВЬ ГРЫЖУ

БИП БИП РРРУУУУДЛ РРРУУУУДЛ

УХАДИ РРРУУУУДЛ РРРУУУУДЛ

БИП БИП БИП...

Биг-бенд великих гомеров исполнял для меня серенады, а я ждал, когда же Анна О. начнет мочиться. После дозы в сто семьдесят пять миллиграмм закапало, а на двухстах полилось. С ума сойти. Но все равно я чувствовал гордость – как при рождении первенца. Я поспешил оповестить Молли об этом радостном событии.

– Здорово, Рой, просто замечательно. Ты поставишь эту старушку на ноги. Так держать. Доброй ночи. Я буду здесь, вместе мы обо всем позаботимся. Я в тебя верю. Счастливого Дня независимости!

Я посмотрел на часы. Было уже два часа ночи четвертого июля. Опять преисполнившись гордости и уверенности в себе, я шел по пустому коридору в дежурку. Я компетентен. У меня все под контролем. Я чувствовал себя интерном из книжки. Если бы!

Кровать в дежурке была не застелена, я сутки не переодевался, а на верхней койке спал Леви из ЛМИ. Но я так устал, что было плевать. Под бип-бип-бип мониторов я летел к сновидениям и размышлял об остановке сердца – и вспомнив все, что мне об этом известно, начал думать о том, скольких вещей я не знаю. Я занервничал. Я не мог заснуть, ведь в любую секунду меня могли вызвать на остановку сердца, и что я тогда буду делать? Я почувствовал толчок – и я увидел Молли. Она приложила палец к губам, призывая к молчанию, села на край моей кровати и сняла туфли, чулки и трусики. Затем она пробралась под одеяло, пробормотав, что не хочет измять свою форму – и села на меня сверху. Она начала расстегивать блузку, наклонилась и поцеловала меня, и я чувствовал запах ее духов, ласкал аппетитную попку...

²⁸ Не навреди (*лат.*)

²⁹ До встречи (*исп.*)

Кто-то постучал меня по плечу. Запах духов... Я повернулся и уставился прямо на бедра Молли. Та, наклонившись, продолжала меня будить. Черт, то было сном, но это уже не сон. Сейчас все произойдет. Боже, неужели она собирается залезть ко мне в постель?

Но я ошибся. Она пришла по поводу пациентки. Одна из сердечниц Мальша Отто начала буянить. Пытаясь скрыть стояк, я неловко вышел в коридор, моргая от электрического света, и, следуя за дерзкой и упругой попкой Молли, вошел в палату. Там царил хаос. Мы увидели женщину: она стояла абсолютно голой и орала непристойности своему отражению в зеркале, а потом, закричав: «Вот, вот эта старуха!», схватила бутылку с внутривенным и бросила в зеркало, разлетевшееся на мелкие осколки. Увидев меня, она рухнула на колени и стала умолять: «Мистер, пожалуйста, не посылайте меня домой». Это было ужасно. От нее воняло мочой. Мы пытались ее успокоить, но в итоге снова пришлось привязать ее обратно к койке.

Это был лишь первый из серии фейерверков, которыми мы встретили День независимости. Я позвонил Малышу Отто, чтобы доложить о состоянии его пациентки, за что он наорал на меня, обвинив в том, что я ее будоражу: «Она такая милая женщина, а ты ее, видимо, раздражаешь своей навязчивостью! Оставь ее в покое!» Тут же двери лифта открылись, и из него выкатились Глотай Мою Пыль на пару со своим студентом – так стремительно, будто они хотели вырваться из очередного круга ада. Они везли каталку, на которой лежало очередное тело: скелетообразный человечек, из черепа которого выпирало что-то красное и узловатое. Он был напряжен и неподвижен как окоченевший труп и причитал:

РУГАЛА РУГАЛА РУГАЛА РУГГ РУГАЛА РУГАЛА РУГАЛА РУГГ.

– Это – мое четвертое поступление, – бросил мне Эдди. – Значит, следующий – твой! Видел бы ты, что они для тебя готовят!

Следующий! Не может быть. Я поспешил прилечь, чтобы успеть вздремнуть хоть немного, но вскоре проснулся от дикой боли в пальце. Я заорал, Леви спрыгнул с верхней койки, и Молли вбежала в дежурку, опять продемонстрировав свои бедра.

– Меня что-то укусило!

– Честное слово, доктор Баш, это не я! – тут же сказал Леви. – Клянусь, это не я.

Мой палец начал опухать. Боль была невыносимой!

– Я в любом случае собиралась тебе звонить, – сказала Молли. – В приемнике тебя ждет новое поступление.

– Боже. Я не вынесу еще одного гомера.

– Это не гомер. Ему пятьдесят, и он болен. И тоже врач.

Пытаясь сдержать панику, я отправился в приемный покой. Посмотрел историю болезни: доктор Сандерс, пятьдесят один год, чернокожий. Сотрудник Божьего дома. В анамнезе – опухоль слюнной железы и гипопфиза с дикими осложнениями. Поступил с болью в груди, потерей веса, сонливостью, затрудненным дыханием. Позвонить Толстяку? Нет. Сначала осмотрю пациента. Я зашел в палату.

Чернокожий доктор Сандерс плашмя лежал на каталке и казался лет на двадцать старше своего возраста. Он попытался протянуть мне руку, но оказалось, что он слишком слаб даже для этого. Я взял его за руку сам – и представился.

– Рад видеть вас своим доктором, – ответил он.

Растроганный его беспомощностью, слабостью его руки, все еще доверчиво лежащей в моей, я почувствовал острую жалость.

– Расскажите, что с вами произошло.

Он начал рассказывать. Сначала я нервничал так, что едва мог понять, что он говорит. Почувствовав это, он сказал:

– Не волнуйся. У тебя все получится. Забудь, что я врач, я отдаю тебя в свои руки. Когда-то и я был на твоём месте, прямо здесь. Я был первым черным интерном в истории Божьего дома. Тогда нас еще называли «нигро».

Постепенно, вспоминая все, о чем говорил мне Толстяк, я почувствовал себя увереннее, а нервное возбуждение уже не мешало сосредоточиться. Мне нравился этот человек. Он доверился мне, и я сделаю для него все, что смогу. На рентгене я увидел выпот в плевральной полости и понял, что нужно дренировать жидкость и узнать, что она собой представляет. Я позвонил Толстяку. Сопоставив все данные, я понимал, что наиболее вероятный диагноз – метастазирующая опухоль. Меня затошнило. Толстяк вкатился в комнату в своем зеленом хирургическом костюме, похожий на веселый зеленый дирижабль, перекинулся с доктором Сандерсом несколькими словами и моментально установил с ним доверительные отношения. Палата казалась наполненной теплом и доверием, мольбами о помощи и обещаниями попытаться. Это было именно то, чем и должна быть медицина. Я дренировал плевральный выпот. После практики с Анной О. это казалось ерундой. Толстяк был прав: ты тренируешься на гомерах, а потом, когда нужно взять дело в свои руки, ты уже знаешь, как поступать. И еще я понял, что лизоблюды Дома терпели странные выходки Толстяка потому, что он был отличным врачом. Полная противоположность Путцелю. Я закончил процедуру, и доктор Сандерс, которому сразу стало легче дышать, сказал:

– Не забудьте сообщить мне о результатах цитологии. Какими бы они не были.

– Что-то станет известно лишь через пару дней, – сказал я.

– Вот тогда и сообщите. Если это метастазы, мне надо будет уладить некоторые дела. У меня брат в Западной Вирджинии, отец оставил нам участок земли. Я все собирался съездить туда на рыбалку, но, похоже, слишком долго откладывал.

Когда я подумал о том, какой ответ может содержаться в пробирках, которые я нес в лабораторию, по моему телу побежали мурашки. Толстяк спросил меня:

– Ты видел его лицо?

– Да, и что?

– Запомни его. Это лицо покойника. Спокойной ночи.

– Эй, стой. До меня кое-что дошло. Тебе здесь дают делать то, что ты делаешь, потому что ты действительно хорош.

– Хорош?! Нет, не просто хорош. Великолепен! Все, спать!

Я доставил доктора Сандерса в палату и вновь попытался уснуть, но утро уже пришло на смену душной июльской ночи. Неистовые безумцы из хирургии уже начинали утренний обход³⁰, готовясь к напряженному дню, наполненному достойными делами типа пришивания оторванных рук, а первая смена уборщиков, напевая, расплзалась по коридорам Дома. Я собирался отправиться к Толстяку и карточкам три на пять, натянул носок – и почувствовал себя таким же, как он: измочаленным, потным, вонючим, словно меня тоже носили на день дольше, чем следовало бы. Во время обхода у меня все расплывалось в глазах, а к обеду я настолько отупел, что, когда Чак и Потс притащили меня в кафетерий и подвели к стойкам с едой, я поставил на поднос лишь огромный стакан кофе со льдом. Я был настолько не в себе, что, попытавшись сесть, ударился ногой о стол, споткнулся – и выплеснул содержимое стакана на халат. Холодный кофе стекал с него на брюки, и это было приятно. После обеда Легго проводил с нашей командой учебный обход. Он шел по коридору в своем длинном халате, со стетоскопом, исчезающим в неизвестности брюк, и напевал: «Дейзи, Дейзи, дай мне свой ответ...» Пока он осматривал пациента, я боролся с искушением толкнуть на него Леви и посмотреть, как они оба свалятся на пациента – гомера, которого надо спасти любой ценой. Мне пришло в голову, что Легго расшифровывается как «Let my gomers go»³¹, и в своих фантазиях я видел его, увозящего толпу гомеров из мирной страны смерти в рабство искусственно продленной

³⁰ Обычно в 4:30–5:00, чтобы в 7 утра быть в операционной.

³¹ Leggo = Let my gomers go. Видоизмененное «Let My people go» («Отпусти народ мой») – рефрен популярного спиричуэлса Go Down Moses («Сойди, Моисей»), где описываются события из ветхозаветной книги Исход: «И сказал Господь Моисею: пойди к фараону и скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение».

и полной страданий жизни, карабкающегося на гору Синай, жадно жующего мацу и напевающего: «Дейзи, Дейзи, дай мне свой ответ...»

Хаос. Расплывающиеся пятна. Я думал, что не доживу до конца рабочего дня. Медсестра сообщила, что у пациентки-итальянки по прозвищу Бум-Бум (без каких бы то ни было заболеваний сердца) болит грудь. Я зашел в палату, где шумное семейство из восьми человек, перебывая друг друга, болтало по-итальянски. Я сделал электрокардиограмму (она оказалась абсолютно нормальной), а потом решил повеселить публику и продемонстрировать трюк Толстяка с перевернутым стетоскопом. Я подключился к Бум-Бум и прокричал: «Улитка, прием, прием, улитка, как слышно?» Она открыла глаза, заверещала, подпрыгнула, схватившись за грудь, а затем – по всем законам сердечного приступа – посинела и перестала дышать. Я сообразил, что вместе с восемью итальянцами стал свидетелем остановки сердца, и со всей силы ударил Бум-Бум в грудь, что привело к еще одному воплю. На этот раз он означал жизнь. Я попытался убедить семейство в том, что это абсолютно нормальная ситуация, выставил всех за дверь и объявил код «Остановка сердца». Первым появился уборщик-мексиканец, почему-то с букетом лилий. Затем прибежал анестезиолог-пакистанец. В моих ушах все еще звенели крики итальянского семейства, и я почувствовал себя как на заседании Лиги Наций. Прибыли и другие, но Бум-Бум уже была в порядке. Глядя на ее кардиограмму, Толстяк заметил: «Поздравляю, Рой, это главный день в жизни Бум-Бум. Она наконец-то получила реальный инфаркт».

Я попытался уговорить резидента из интенсивной терапии забрать Бум-Бум, но, взглянув на пациентку, он сказал: «Ты что, всерьез?» СПИХ не удался. Стараясь не попасться на глаза итальянскому семейству, я обреченно брел по коридору. Толстяк поделился со мной важным ЗАКОНОМ НОМЕР ВОСЕМЬ: ОНИ ВСЕГДА МОГУТ ПОВРЕДИТЬ ТЕБЕ СИЛЬНЕЕ. Я кое-как продержался до конца смены и, шатаясь, пошел к Потсу, чтобы передать ему своих пациентов. И спросил, как у него дела.

– Плохо. Ина впала в бешенство, ворует туфли и мочится в них. Не стоило давать ей валиум. Я думал, она станет менее злобной. У Коротышки это работало, и я тоже решил попробовать. Но она стала еще хуже!

Бредя к лифту вместе с Толстяком, я сказал:

– Знаешь, мне кажется, что эти гомеры хотят меня уничтожить.

– Конечно, хотят. Они хотят уничтожить любого.

– Но почему? Я же не сделал им ничего плохого, а они...

– Именно. Это и есть медицина.

– Ты псих.

– И ты должен стать психом, чтобы этим заниматься.

– Но если все так – я не смогу этим заниматься.

– Конечно, сможешь. Расстанься со своими иллюзиями, и мир ляжет у твоих ног.

И вот он ушел. Я дождался Берри, которая подобрала меня у входа в Дом. Когда она увидела меня, она скривилась от отвращения:

– Рой, ты же зеленый! Фу! Зеленый и вонючий. Что случилось?

– Они меня уделали.

– Уделали?

– Да. Они уничтожили меня.

– Кто они?

– Гомеры. Но Толстяк сказал, что они сделают это с любым и что это и есть современная медицина. Так что я не буду об этом думать, и тогда мир ляжет у моих ног.

– Это какой-то бред.

– Я сказал то же самое, но сейчас я в этом уже не уверен.

– Я могу помочь тебе почувствовать себя лучше.

– Просто укутай меня!

- Что?
- Просто уложи меня в кровать и укутай одеялом.
- Но сегодня же твой день рождения! Забыл? Мы едем в ресторан.
- Забыл.
- Забыл про собственный день рожденья?
- Да. Я зеленый и вонючий, так что просто укутай меня...

И она укутала меня. И сказала, что любит меня даже таким, зеленым и вонючим, а я сказал, что тоже люблю ее. Но это было ложью, так как они уничтожили во мне что-то, что отвечало за мою способность любить, и я отключился еще до того, как Берри вышла, прикрыв за собой дверь.

Затрезвонил телефон, из трубки раздался дуэт: «С днем рождения тебя, с днем рождения тебя, с днем рождения, милый Роо-ой, с днем рождения тебя!» Мой день рождения, о котором я забыл, вспомнил и снова забыл. Мои родители. Отец сказал: «Я надеюсь, ты не слишком устаешь, и это так замечательно – иметь собственных пациентов». Я знал, что он считает систему современной медицины величайшим достижением с момента изобретения высокоскоростного зубного сверла. Повесив трубку, я подумал о докторе Сандерсе, который умрет, и о гомерах, которые будут жить вечно, и попытался понять, где же иллюзии, а где – реальность. Я мечтал о такой медицине, как в книге «Как я спас мир, не запачкав халата»: излечения, жизни, спасенные в последнюю секунду, но видел сломленного южанина, сражающегося со злобной гомерессой в футбольном шлеме; я видел толстого волшебника – прекрасного доктора, то ли гения, то ли сумасшедшего, который уверял меня, что основа современной медицины – это ПОЛИРОВКА историй и СПИХИВАНИЕ пациентов. И днем, и на ночном дежурстве у меня были моменты уверенности в себе – но было и чувство непередаваемой беспомощности, которое я испытывал, глядя на гомеров или несчастных молодых пациентов, обреченных на смерть. Да, были и белоснежные халаты, и белоснежный «континенталь» Путцеля, но халаты в итоге оказывались заляпанными рвотой, мочой и дерьмом гомеров; в грязных простынях кишели насекомые, атакующие глаза и пальцы; а Путцель, откровенно говоря, был обыкновенным мудаком. Через несколько месяцев доктор Сандерс умрет. Если бы я знал, что умру через несколько месяцев, стал бы я тратить свое время на все это? Ни за что! Мое здоровое смертное тело, моя нелепая больная жизнь. Игры с мячом в ожидании аневризмы, которая лопнет на первой базе и зальет кровью мозг, иссушив его. И теперь у меня не было выхода. Я стал терном, зеленым вонючим терном, в зеленом доме, в Божьем доме.

5

По истечении трех недель Толстяка СПИХНУЛИ из Божьего дома по ротации в одну из городских больниц, он называл ее «больницей Святого Где-Нибудь». Он по-прежнему оставался моим резидентом на суточных дежурствах, каждую третью ночь, но в отделении с нами теперь работала девушка по имени Джо – та, чей отец недавно разбился насмерть, прыгнув с моста. Как и многие из тех, кто пошел в медицину, Джо приносила себя в жертву карьере. Худая, жилистая, невысокая, жесткая, уже в подростковом возрасте она игнорировала попытки матери вывести ее в свет, сосредоточившись на изучении биологии, и вместо походов на вечеринки препарировала крыс. Первым ее триумфом стала победа над собственным братом-близнецом: ее приняли в Рэдклиф, а он отправился по спортивной стипендии куда-то на Средний Запад и маршировал там с тромбоном в парадном оркестре. Ее успехи в Рэдклифе были потрясающими, и Джо стала студенткой ЛМИ, едва достигнув половой зрелости. Притормозить ее карьеру, да и то ненамного, смогла лишь ее мать – со своей американской болезнью века, нервным срывом, который в итоге и превратил папашу Джо в бесформенную мертвую массу. Джо еще яростней взялась за медицину, как будто, образцово выполнив обследование

прямой кишки, можно было излечить психологический рак ее семьи. Джо вернулась в Божий дом – и стала самым агрессивным и безжалостным его обитателем.

С самой первой встречи, когда она встала перед нами как капитан корабля – ноги расставлены, руки уперты в бока – и сказала: «Добро пожаловать на борт», стало ясно, что она разительно отличается от Толстяка и что все, чему мы научились от него, окажется под угрозой. Невысокая, подтянутая женщина с коротко стриженными темными волосами, с тяжелой челюстью и темными кругами под глазами. Она была одета в белую юбку и белый пиджак, а к поясу была пристегнута специальная кобура: там находилась записная книжка толщиной в два дюйма, куда Джо собственноручно переписала три тысячи страниц «Принципов лечения внутренних болезней». То, что не сохранилось в ее памяти, можно было найти на ее бедре. У нее был странный, монотонный, бесчувственный голос. Она не принимала абстрактных понятий. У нее абсолютно отсутствовало чувства юмора.

– Прошу прощения, что не появилась раньше, – заявила она Чаку, Потсу, мне и трем студентам ЛМИ при первой встрече. – У меня были обстоятельства личного характера.

– Да, мы слышали, – вежливо сказал Потс. – Как обстоят дела сейчас?

– Все в порядке. Такие ситуации бывают. Я спокойно к этому отношусь. Я рада вернуться к работе и выбросить все это из головы. Я знаю, что вы начинали работать с Толстяком, но у меня другой подход. Делайте то, что я скажу, и все будет прекрасно. Я веду работу в отделении безо всяких поблажек. Никаких недоработок быть не должно. Ну что, банда, начнем обход? Везите тележку с историями болезни, ну же!

Обрадованный Леви поскакал за тележкой.

– С Толстяком, – заметил я, – мы проводили обход, сидя прямо здесь. Это было эффективно и позволяло расслабиться.

– Это халатность. Я осматриваю всех пациентов ежедневно. Без исключений. Скоро вы узнаете, что в медицине есть четкая зависимость: чем больше вы делаете – тем лучше результат лечения. Поэтому я делаю все, что можно. Это отнимает время, но результат того стоит. И, кстати, о времени. Мы будем начинать обход раньше. В шесть тридцать. Это понятно? Прекрасно. Я придерживаюсь очень строгих правил. Никаких поблажек. Я собираюсь продолжить карьеру в области кардиологии и получила стипендию Института здравоохранения на следующий год³². Мы будем аускультировать множество сердец. Но имейте в виду, если у вас появятся вопросы или сомнения, я хочу их услышать! Все должно быть в открытую. Ну что, банда, за работу?

Шансы на то, что мы с Чаком будем появляться в Доме на час раньше, чем до того, были нулевыми. Мы плелись за Джо, переходившей из палаты в палату с целеустремленностью, понятной только фанатику-карьеристу, тому, кто постоянно живет в страхе, что какой-то хитрый выскочка вдруг – по стечению обстоятельств или в приступе гениальности – достигнет большего. Мы катали тележку от одной двери к другой – по палатам всех сорока пяти пациентов отделения. И каждого из них Джо осматривала с ног до головы, параллельно осыпая нас выдержками из записной книжки и объясняя каждому из тернов то, что они, по ее мнению, сделали неправильно. Во мне росло чувство протеста. Как мы могли выжить с ней? То, что она делала, противоречило всему, что мы узнали от Толстяка. Она вгонит нас в гроб!

Мы дошли до палаты Анны О. Просмотрев записи, Джо отправилась осмотреть Анну и, игнорируя отбойные молотки из крыла Зока, сконцентрировалась на прослушивании сердца. По мере того как Джо слушала, пальпировала и прощупывала, Анна становилась все более и более беспокойной, она начала кричать:

– РРРУУУДЛ! РРРУУУДЛ!! РРРРУУУУУУУУУУДЛ!!!

³² Равносильно утверждению «Карьера в медицине удалась».

Закончив, Джо спросила, в чем заключалось лечение пациентки. Вспомнив ЗАКОНЫ Толстяка, я сказал: «РАЗМЕЩЕНИЕ».

– ЧТО?!

– ПЕРВЫМ ДЕЛОМ РАЗМЕЩЕНИЕ.

– Кто тебя этому научил?

– Толстяк.

– Чуть собачья, – сказала Джо. – Эта женщина страдает серьезным старческим слабоумием. Она не знает ни своего имени, ни местонахождения, ни сегодняшней даты; она говорит только «РУУУУДЛ», у нее недержание. Существует несколько излечимых причин слабоумия, одна из них – операбельная опухоль мозга. Мы должны проработать все варианты. Позвольте рассказать вам об этом.

Джо разразилась длинной лекцией о деменции, пулеметными очередями выдавая нейроанатомические подробности и ссылки на источники. Я вспомнил гулявшую по ЛМИ легенду о том, как Джо сдавала экзамен по анатомии. Сдавать его было гиблым делом, средний результат был 42 балла. Джо набрала 99. Вопрос, на котором она завалилась, звучал так: «Идентифицируйте круг Полджи», и на самом деле был вопросом с подковыркой: пресловутым кругом был перекресток с круговым движением напротив общаги ЛМИ. Лекция Джо была в тему, она была информативной, полной и понятной. Она закончила с таким довольным видом, будто только что удачно покакала.

– Для начала назначь тесты, – приказала Джо, – мы проверим все. Абсолютно все. Никто не скажет, что мы где-то не доработали.

– Но Толстяк говорил, что слабоумие для Анны – норма.

– Слабоумие никогда не является нормой, – отрезала Джо. – Никогда.

– Может, и нет, – ответил я, – но Толстяк говорил, что в ее случае лучший способ лечения – не делать ничего, и бросить все силы на поиск койки в богадельне.

– Я всегда что-то делаю. Я – врач! Я оказываю медицинскую помощь.

– Толстяк говорил, что для гомеров «ничего не делать» и есть медицинская помощь. Сделай что-то – и состояние ухудшится. Как с Иной Губер, которой Потс влил физраствор. Она так от этого и не оправилась.

– И ты ему поверил?

– Ну... с Анной это сработало.

– А теперь послушай меня, умник, – сказала Джо с угрозой. – Первое: Толстяк – псих. Второе: если не веришь мне, спроси у кого угодно. Третье: именно поэтому ему и не разрешали иметь дело с новыми тернами. Четвертое: капитан корабля – я, и я оказываю медицинскую помощь, которая, к твоему сведению, заключается не в том, чтобы ничего не делать, а в том, чтобы делать все. Ясно?

– Типа того. Но Толстяк сказал, что худшее...

– Стоп! Я не хочу этого слышать. Проведи все исследования для выявления излечимых причин слабоумия: спинномозговая пункция, сканирование мозга, анализы крови, рентген черепа. Сделай все это, а если результаты будут отрицательными, мы, может быть, подумаем о РАЗМЕЩЕНИИ. Кошмар! Ну все, банда, поехали к следующему.

Наш корабль поплыл к Рокитанскому, потом к Софи, к Ине в футбольном шлеме (который Джо с нее сняла), к несчастному доктору Сандерсу и остальным. У каждого из них Джо находила ранее незамеченные симптомы заболеваний сердца, представлявших для нее особый интерес. Мы добрались до границы наших владений и северного крыла, где располагалась палата Желтого Человека. Он не был нашим пациентом, но Джо решила осмотреть и его тоже. Закончив, она сообщила Потсу:

– Я слышала об этом пациенте. Быстротекущий некротизирующий гепатит. Смертельный, если не заметить на ранней стадии и не начать стероиды. Позвольте рассказать вам об этом.

Она выдала лекцию о некротизирующем гепатите, не обращая внимание на исказившееся от боли лицо Потса. Закончив, Джо сообщила, что сделает для нас копии статей и ссылок, после чего отправилась на обход с Рыбой и Легго. Каким-то образом ей удалось вогнать всех нас в тоску. Даже после ее ухода в воздухе висело что-то тяжелое, серое, холодное, давящее на нас, толкающее к краю моста – и вниз.

– Да уж, это, конечно, не Толстяк, – констатировал Чак.

– Я уже тоскую по нему, – ответил я.

– Такое ощущение, что про Желтого Человека слышали все, – вздохнул Потс.

– Ты думаешь, что я должен сделать Анне О. все эти тесты?

– Старик, кажется, выбора у тебя нет.

– Толстяк никогда не ошибался, ни разу!

– Я не думаю, что кто-то понимает в гомерах больше, чем Толстяк, – согласился Чак, – Этот чувак был крут. Будь и ты крут, Рой, будь крут.

Первую неделю работы с Джо я делал все, что она говорила: я ужасно боялся, что что-то упущу – и потом это будет преследовать меня, как ошибка с Желтым Человеком – Потса. Я назначал все исследования, какие только мог придумать, всем своим пациентам – и описывал это в историях. При помощи Джо я даже начал давать ссылки на источники. Вскоре истории засияли. Лизоблюды-карьеристы вроде Рыбы и Легго смотрели на ОТПОЛИРОВАННЫЕ до блеска истории – и на их лицах появлялись сияющие улыбки. ПОЛИРУЮ историю, ты автоматически ПОЛИРУЕШЬ задницы лизоблюдов. И не только их. Вскоре я заметил, что чем больше я назначаю тестов, тем больше происходит осложнений, тем дольше пациенты остаются в Доме – и тем больше денег утекает в карманы частных врачей³³. Если ты ПОЛИРУЕШЬ истории, ты тут же становишься лучшим другом частников. Джо была абсолютно права: чем больше ты делаешь, тем довольнее начальство.

А вот с пациентами дела обстояли хреново, особенно с гомерами. На их счет Джо сильно заблуждалась. Чем больше исследований я делал, тем хуже им становилось. До появления Джо Анна О. сохраняла идеальный баланс электролитов, а все ее органы работали настолько хорошо, насколько это вообще возможно для модели 1878 года выпуска. При этом, по-моему, в число таких органов входил и мозг: я считал слабоумие тихой безопасной гаванью, дарящей забвение и спасающей от мыслей о собственном распаде. Некогда почти готовая к СПИХИВАНИЮ обратно в «Еврейский дом неизлечимых» Анна (получавшая на протяжении всего душного августа то рентген, то пункцию) сильно сдала. Под влиянием стрессов, вызванных исследованием возможных излечимых причин слабоумия, ее органы стали накрываться один за другим по принципу домино: контраст для сканирования мозга повредил почки; исследование почек перегрузило сердце; лекарство для сердца вызвало непрекращающуюся рвоту, что нарушило водно-электролитный баланс до такой степени, что ее жизнь оказалось под угрозой – а это в свою очередь усугубило слабоумие и параллельно сделало Анну кандидатом на полное обследование ЖКТ, подготовка к которому привела к сильному обезвоживанию организма и добила ее измученные почки, что вызвало инфекционный процесс и необходимость гемодиализа, а также все возможные осложнения этих осложнений. Мы оба устали, а она еще и балансировала на грани смерти. Как и Желтый Человек, она прошла стадию судорог и билась как пойманная на крючок рыба, а потом перешла в еще более ужасное состояние и лежала совер-

³³ Эта система до сих пор не изменилась. Больнице очень невыгодно держать пациента дольше нескольких дней, а вот частному врачу, который ежедневно «снимает сливки» со страховки за ведение тяжелого пациента – чрезвычайно выгодно. Тем более что с пациентом-хроником гораздо меньше возни, чем с новым поступлением.

шенно неподвижно, возможно, умирая. Мне было горько, так как к тому времени я уже успел к ней привязаться. Я не знал, что с ней делать теперь. Я проводил кучу времени, сидя рядом с Анной О. в размышлениях, и наблюдал, как она умирает.

Толстяк дежурил одновременно со мной – каждую третью ночь. Как-то раз, разыскивая меня, чтобы позвать на ужин, он обнаружил меня в палате Анны.

– Что ты, черт возьми, делаешь? – спросил он.

Я рассказал.

– Она же уже собиралась обратно в «Еврейский дом», так что случилось? Подожди, не говори мне, я сам угадаю. Джо решила докопаться до сути ее слабоумия, так?

– Правильно. Похоже, что теперь она умирает.

– Она может умереть только в одном случае: если ты лично убьешь ее, сделав все то, что придумала Джо.

– Но что я могу сделать? Джо контролирует каждый шаг.

– Элементарно. Ничего не делай с Анной, но скрывай это от Джо.

– Скрывать?

– Продолжай тестирования, но сделай их чисто иллюзорными и ПОЛИРУЙ историю воображаемыми результатами воображаемых тестов. Анна вернется в свое нормальное слабоумное состояние, тестирование покажет необратимость ее слабоумия, все счастливы. Ничего экстраординарного.

– Не уверен, что это этично.

– А убивать гомерессу своими тестами – этично?

На это мне было нечего ответить.

– Ну вот, план лечения готов! Пойдем поедим.

Во время ужина я попросил Толстяка рассказать мне о Джо. Он помрачнел и сказал, что у Джо тяжелейшая депрессия. Он полагал, что у нее, как и у Рыбы, и у Легго, и у многих других карьеристов, есть отличное знание теории и впечатляющие публикации – но ни грамма здравого смысла. Они все смотрели на болезнь, как на страшного монстра, которого надо было запереть в клетку тестов и дифференциальных диагнозов. Они считали, что все, что нужно, – это приложить нечеловеческие усилия, и все вокруг поправятся. Джо посвящала этому всю себя, и у нее ни на что больше не оставалось сил. Вся ее жизнь, по словам Толстяка, была медициной.

– Это очень печально, и все об этом знают. Джо готовилась к моменту, когда станет старшим резидентом отделения, весь прошлый год, и вот этот момент настал. Теперь она вылезет вон из кожи, чтобы превратить все происходящее в свой бенефис. Эти несчастные пациенты нужны ей для заполнения пустоты собственной жизни, недаром она торчит в отделении до ночи, да еще приходит сюда в свои выходные. Она чувствует, что никому не нужна, – исключая, конечно, те случаи, когда ей кажется, что она нужна тернам или пациентам, которым на самом деле она не нужна тоже, она же ходячая катастрофа, если дело идет о практической медицине или человеческих отношениях. Знаешь, что было бы лучшей медицинской помощью для Анны О.? Найти очки, которые потерялись где-то в больнице. Джо нужно было заниматься чистой наукой, но она понимает, что если уйдет отсюда, это подтвердит то, что все давно знают: она неспособна ладить с людьми.

– Ты просто сексист, – сказал я, думая о Берри.

– Я? – искренне удивился Толстяк. – Почему?

– Ты говоришь, что из женщин вроде Джо получаются паршивые врачи, потому что они женщины.

– Нет. Я говорю, что из женщин вроде Джо, если они становятся врачами, получаются паршивые люди. С мужчинами то же самое. Наша специальность – это же болезнь сама по себе, независимо от пола. Она может заманить в ловушку любого из нас, и с Джо это точно

уже произошло. И это ужасно. Ты бы видел ее квартиру! Там как будто никто не живет. Она въехала туда год назад, но до сих пор не вытащила стереосистему из коробок.

Обсуждение депрессивной жизни Джо вогнало нас в тоску. Какое-то время мы провели в подавленном молчании, но потом Толстяк улыбнулся и спросил:

– А я рассказывал тебе о своей мечте? Об изобретении?

– Нет.

– «Анальное зеркало доктора Юнга»: величайшее изобретение американской медицины!

– Анальное зеркало доктора Юнга? Это что еще такое?

– Помнишь, в институте на занятиях по гастроэнтерологии нам советовали осмотреть собственный анус с помощью маленького зеркала?

– Да.

– У тебя получилось?

– Нет.

– Конечно! Это невозможно. Но теперь с помощью «Доктора Юнга», каждый сможет осмотреть свой анус в домашних условиях, в тишине и комфорте!

– Так что же это такое? – спросил я, втягиваясь в игру.

Он показал мне что. Толстяк нарисовал на салфетке замысловатую систему, состоящую из двух взаимно отражающих зеркал и большой фокусирующей линзы, соединенных стальными стержнями регулирующей длины. Он начертил пути, по которым лучи света путешествовали от задницы до глазных яблок и обратно, раскрасил схему во все цвета радуги, иллюстрируя разложение света в спектр, рассчитанное путем сложных выкладок. Закончив, он сказал:

– Знаешь, сколько американцев испытывают боль при дефекации и видят кровь в стуле? Миллионы!

– Почему только американцы? – спросил я, веселясь. – Почему не весь мир?

– Вот именно! Одна проблема – перевод. Миллионы у нас, миллиарды по всему миру! Анус вызывает интерес у всего человечества. Все хотят его увидеть, но никто не может. Это как черная Африка в домисионерскую эпоху. Конго человеческого тела.

Волосы у меня на затылке зашевелились, когда я заподозрил, что, возможно, он говорит всерьез.

– Ты ведь шутишь?

Толстяк не ответил.

– Это самая идиотская идея, которую я слышал!

– Ничего подобного. К тому же о великих изобретениях всегда так говорят. Это почти как вагинальные зеркала, которыми пользуются гинекологи всего мира. Кстати, анальное зеркало можно настроить так, чтобы у женщины была возможность ознакомиться со всеми своими интимными местами. Это универсальное устройство, унисекс. «ПОЗНАЙ СВОЮ ЖОПУ». – Толстяк расставил руки, изображая, будто читает рекламный плакат или наклейку на бампере, и продекларировал: – «ЗАДНИЦЫ ПРЕКРАСНЫ! СВОБОДУ ЗАДНИЦАМ!» Настоящая находка для человечества, да и финансовый потенциал огромен. Большая удача.

– Это же дикость!

– Да, и именно поэтому это будут покупать.

– Это же шутка? Ты же не сделал этого на самом деле, правда?

Толстяк сидел с отсутствующим видом.

Растерянный, я сказал: «Да ладно, Толстяк, перестань». И умолял сказать мне правду. Но анальное зеркало казалось настолько невероятным, что и в самом деле могло оказаться правдой. И я подумал: а что вообще может быть невероятным в Америке? Джек Руби разносящий

живот Ли Харви Освальду в прямом эфире? Коричневые бумажные пакеты с наличкой, которые заносили в вице-президентский кабинет Спиро Агню?³⁴

³⁴ Ли Харви Освальд – единственный официальный подозреваемый в убийстве американского президента Джона Кеннеди, Джек Руби – директор ночного клуба в Далласе, убивший Освальда во время его перевода в окружную тюрьму, транслировавшегося в прямом эфире. Спиро Агню – вице-президент США во время президентства Никсона – подал в отставку после того, как были преданы гласности его финансовые злоупотребления (взятки, уход от налогов).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.